

СБОРНИКЪ

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ БЫВШИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТІЯ,

ПРОТОІЕРЕЯ И. М. СКВОРЦЕВА,

П. С. АВСЕНЕВА (АРХИМАНДРИТА ВЕОФАНА)

И

Л. М. АМФИТЕАТРОВА,

изданный академіею по случаю пятидесятилѣтняго юбилея ея
(1819—69).

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Управленія.

1869.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

по

ПСИХОЛОГІИ.

Архимандрита Теофана Авсенева.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Кіевскаго Губернскаго Управленія.

1869.

Съ разрѣшенія Духовной Цензуры. Кіевъ. 1 іюня 1869 г.

Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

БІОГРАФИЧОВАЯ ЗАМѢТКА.

Архимандритъ Теофанъ (Петръ Семеновичъ) Авсенецъ, изъ воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи 6 курса, былъ наставникомъ въ Кіевской Академіи въ началѣ (съ 1833 по 1836 годъ) по классу нѣмецкаго языка, а потомъ (съ 1836 по 1850 годъ) по философіи. При самомъ вступленіи его въ должность наставника философіи, по существовавшему тогда раздѣлу философскихъ наукъ между наличными (тремя) наставниками по каедрѣ философіи, ему поручено было преподаваніе *психологіи*,—и съ этого времени, до самаго конца его педагогической дѣятельности, психологія была постояннымъ, главнымъ и особенно любимымъ предметомъ его ученыхъ и учебныхъ трудовъ и занятій въ Академіи. (Кромѣ психологіи, при самомъ же вступленіи его на должность наставника по философіи, ему поручено было еще преподаваніе *исторіи новѣйшей философіи*—начиная съ Канта; а въ 1839 году и *всей вообще новой философіи*—начиная съ Декарта. Наконецъ съ 1845 года, ставши, на мѣсто выбывшаго тогда изъ Академіи профессора философіи протодіерея Скворцова, ординарнымъ профессоромъ философіи, онъ, по собственному побужденію, въ теченіе двухъ послѣднихъ академическихъ курсовъ своихъ преподавалъ еще и *нравственную философію*).

II

До начала 30 годовъ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, наука о душѣ человеческой—психологія была очень мало или почти совсѣмъ не разработана въ Кіевской Академіи, и въ слѣдствіе этого, не возбуждая къ себѣ надлежащаго вниманія и сочувствія въ студентахъ Академіи, не имѣла почти никакого значенія въ ихъ философскомъ образованіи. Это недостаточное развитіе психологическихъ элементовъ знанія въ ихъ философскомъ образованіи, естественно, неблагоприятнымъ образомъ могло отразиться и на всемъ вообще строѣ и складѣ ихъ умственного развитія. Довольно сильное и крѣпкое въ то время развитіе въ умѣ ихъ чисто рациональныхъ, логическихъ и метафизическихъ элементовъ знанія, не уравновѣшиваемое соотвѣтственно сильнымъ развитіемъ жизненныхъ и подвижныхъ элементовъ знанія, почерпаемыхъ изъ живаго внутреннего опыта и наблюденія, при дальнѣйшемъ ходѣ и академическаго образованія въ этомъ одностороннемъ направленіи, грозило опасностію наложить на ихъ умѣ суровую печать сухости, жесткости и неподвижной затвердѣлости, словомъ—отвлеченнаго, схоластическаго формализма.... Зоркій и пронизательный умъ (новоприбывшаго) ректора Академіи—Инногенція, внимательно и глубоко всматривавшійся во внутренній строй и ходъ академическаго образованія, скоро замѣтилъ въ немъ этотъ, начинавшій уже развиваться, недостатокъ и, понявъ одну изъ причинъ его, тотчасъ же принялъ мѣры къ его устраненію. По инициативѣ его, въ слѣдствіе представленія академическаго Правленія, въ видахъ болѣе широкаго и жизненнаго развитія философскаго мышленія и образованія въ Академіи, въ 1833 году опредѣлено было на философскую кафедру при Академіи, для преподаванія психологіи, назначить особеннаго (третьяго) наставника. Но первые наставники Академіи (отъ 1833 до 1836 г.), коимъ поручаемо было специально преподаваніе психологіи (В. Н. Карповъ и О. М. Новицкій) за кратковременною

службою своею при Академіи, не могли существенно и глубоко измѣнить къ лучшему прежнее положеніе этого дѣла; едва успѣвъ надлежащимъ образомъ осмотрѣться во вѣренной имъ для воздѣлыванія умственной области, они тотчасъ же оставили свою службу при Кіевской Академіи, чтобы высокія умственныя дарованія свои и силы посвятить на обработку и преподаваніе психологіи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—одинъ въ С.-Петербургской Дух. Академіи, а другой—въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра. Не маловажное дѣло надлежащей научной постановки и плодотворнаго развитія психологіи въ Кіевской Академіи предоставлено было историческимъ ходомъ вещей преемнику ихъ, И. С. Авсеневу,—и онъ, посвятивъ на служеніе ему большую и лучшую часть умственныхъ своихъ силъ, достойнымъ образомъ, въ мѣру своего разумія и силъ, выполнилъ эту, возложенную на него исторією академическаго образованія, задачу, возбудивъ въ студентахъ Академіи живѣйшій интересъ къ наукѣ о душѣ человѣческой и заслуживъ, многолѣтнею и плодотворною педагогическою дѣятельностію своею, добрую и признательную память Академіи, какъ *основатель психологіи* въ Кіевской Академіи.

Поступивъ въ 1836 году на кафедру психологіи, проф. Авсенева поставилъ себѣ задачею—поднять довольно низкою стоявшій уровень преподаванія ея въ Академіи до высоты современнаго ему состоянія этой науки въ Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить преподаванію ея такое направленіе, которое бы, удовлетворяя общимъ научнымъ требованіямъ, въ то же время вполне соответствовало высокимъ цѣлямъ и духу академическаго образованія. Задача эта, по необработанному состоянію психологіи въ Академіи, была далеко не легкая; но отъ природы расположенный къ самоуглубленію и самоиспытанію, и довольно уже подготовленный къ этому дѣлу, какъ всѣмъ вообще предыдущимъ ходомъ и направленіемъ своего умственнаго, се-

минарсаго и академическаго, образованія, тагь особенно и самостоятельными занятіями въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, непосредственно предшествующихъ поступленію его на кафедру психологіи, молодой профессоръ, съ первыхъ же шаговъ, показалъ, что онъ не падеть подъ тяжестью этой задачи.

Для выполненія первой половины этой задачи необходимо было основательное изученіе психологіи въ современномъ ея состояніи и историческомъ развитіи, въ связи съ другими—естественными и антропологическими науками... Обширная психологическая литература Германіи, Англіи и Франціи представляла ему обильный и разнообразный матеріалъ для изученія, — и онъ съ такою ревностію принялся за изученіе его, что, можно бы сказать безъ преувеличенія, не было ни одного сколько нибудь замѣчательнаго сочиненія, относящагося къ психологіи, за три послѣдніе вѣка, котораго бы онъ—въ подлинникѣ или переводѣ—не прочиталъ (или съ содержаніемъ котораго не ознакомился изъ другихъ сочиненій). Не удовольствовавшись однако изученіемъ психологической литературы новаго времени, онъ перешелъ за тѣмъ къ изученію твореній, относящихся къ ученію о душѣ, древнихъ писателей классическаго и христіанскаго міра, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на ученіи о душѣ человѣческой св. Отцевъ Церкви, и, простираясь такимъ образомъ далѣе и далѣе, къ самымъ первымъ начаткамъ науки о душѣ человѣческой, старался, на сколько то позволяли ему научныя средства, проникнуть даже въ первобытную, миѣческую мудрость древнихъ восточныхъ народовъ. Наконецъ, такъ какъ психологія, и по самому свойству своего предмета, состоитъ въ соотношеніи, и по научному способу обработки ея въ послѣдніе два вѣка поставлена въ тѣсной связи и взаимодействіи со многими другими науками—о природѣ и духѣ человѣческомъ, то очень и очень не малую часть времени онъ посвятилъ на болѣе или менѣе осно-

вательное изученіе и этикъ, состоящихъ въ связи съ психологіею, наукъ.—Начитанность его вообще была необыкновенно велика, а жажда чтенія—неутолима.

Это обширное и многостороннее изученіе психологіи въ ея современномъ состояніи и историческомъ развитіи, въ связи съ другими—естественными и антропологическими—науками, расширивъ взглядъ его на ея содержаніе, обогативъ его умъ многоразличными свѣденіями и теоріями, дало ему возможность расширить довольно узкія до того времени границы психологіи и поставить ее на болѣе широкомъ основаніи не только внутренняго, но и вѣшняго опыта—такъ, что, углубляясь корнями своими во глубину самосознающаго и самочувствующаго духа, въ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ своихъ она соприкасалась въ различныхъ степеняхъ со всѣми почти отраслями человѣческаго знанія и, заключая въ себѣ первые, основные элементы всѣхъ наукъ, служила имъ связію и корнемъ;—а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ способѣ ея преподаванія, положительное изложеніе ея содержанія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, соединить съ болѣе или менѣе обширнымъ историческимъ обзоромъ различныхъ древнихъ и новыхъ психологическихъ теорій.... Такимъ образомъ широкая постановка науки о духѣ человѣческомъ, богатство и разнообразіе свѣденій, относящихся къ природѣ человѣческой въ ея естественномъ и бытовомъ состояніяхъ, и наконецъ историческая метода изложенія науки, знакомящая съ литературою ея, какъ въ цѣломъ ея объемѣ, такъ и по отношенію къ частнымъ ея вопросамъ—вотъ первыя качества, кои обнаружались въ его чтеніяхъ по психологіи, и коими онъ обратилъ на эту науку любознательное вниманіе студентовъ Академіи.

Но читая и изучая многочисленныя и многоразличныя сочиненія древнихъ и новыхъ писателей, болѣе или менѣе близко относящіяся къ предмету его науки, проф. Авсеньевъ отнюдь

однакоже не относился ко всемъ имъ съ одинаковымъ, такъ сказать, безпристрастіемъ; это, какъ говорится, чисто объективное, совершенно безстрастное и холодное отношеніе ума къ предмету его изученія, при которомъ ясный и ничѣмъ не волнуемый умъ имѣеть въ виду понять одну только голую дѣйствительность подлежащаго его взору предмета, тщательно стараясь (посредствомъ критики) очистить свои представленія и сужденія отъ всякой примѣси чувствованій, — было вообще не въ духѣ проф. Авсенева. Съ широко развитою въ немъ умственной воспріимлемостію и удобоподвижностію мысли, въ силу которой умъ его, повидимому, легко могъ становиться на разныя точки зрѣнія и входить въ пониманіе различныхъ до противоположностей настроеній и теченій мысли, въ духовной природѣ его соединена была въ то же время не менѣе сильно и глубоко развитая (но не говоримъ умственная самостоятельность и твердость), нѣкая духовная *своеобразность*, основывающаяся на особенномъ строѣ и складѣ его духовной организаціи, — своеобразность въ силу которой умъ его способный, *повидимому*, легко и скоро воспринимать и понимать многое, — *дѣйствительнымъ* образомъ усволялъ себѣ только то, что соотвѣтствовало своеобразному духовному настроенію его. — И именно: въ душѣ его особенно сильно развита была та внутреннѣйшая, глубочайшая, задушевная сторона духа, которая извѣстна подъ именемъ силы чувствованій или сердца (а въ сердцѣ его особенно сильно возбуждены и развиты были высшія чувствованія духа къ безконечному и прекрасному, чувствованія религиозныя и эстетическія, въ многообразныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ ихъ). Въ силу высокаго и, можно сказать, преобладающаго развитія въ немъ этой стороны духа и умъ его, во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ отправленіяхъ, дѣйствовалъ болѣею частію, подъ сильнымъ вліяніемъ его сердца: подъ вліяніемъ сердечныхъ чувствованій, онъ составлялъ и по-

нятія, сводя многообразніе данныхъ представленій какого либо предмета къ единству того представленія, или признака, который особенно сильно подѣйствовалъ на его чувство; чувствованіями же сердца онъ руководился большею частію и при образованіи сужденій, оцѣнивалъ предметы по качеству тѣхъ чувствованій, какія они возбуждали въ немъ; по внушеніямъ же и указаніямъ чувства онъ двигался и по пути умозаключеній, довѣряясь его инстинктивному чутью и догадкѣ.... Наконецъ подъ господствующимъ вліяніемъ сердечныхъ же чувствованій составлялись имъ и идеалы знанія, науки и истины: истина являлась ему въ образѣ красоты, наука въ формѣ художественнаго, гармонически сочлененнаго цѣлаго, знаніе—въ формѣ непосредственнаго внутренняго созерцанія и т. д. Словомъ—онъ мыслить и любилъ мыслить болѣе сердцемъ, чѣмъ головою, болѣе чувствомъ (и воображеніемъ), чѣмъ разсудкомъ, да и довѣрялъ и довѣрялся болѣе непосредственному чутью, чѣмъ ясному анализу, болѣе цѣлостному созерцательному движенію мысли, чѣмъ разчлененному на части логическому доказательству. Въ силу этого-то строя духовныхъ силъ своихъ, изучая многообразныя психологическія теоріи древнихъ и новыхъ мыслителей—психологовъ, онъ дѣйствительно усвоилъ уму своему только тѣ изъ нихъ, кои *сочувствовало его сердце*, кои удовлетворяли (болѣе или менѣе) религиознымъ и эстетическимъ интересамъ духа, болѣе или менѣе его религиозно-эстетически настроенному уму; но за то, что онъ усвоилъ себѣ такимъ образомъ по внушенію своего чувства, того и держался всю силою сердца... Такимъ образомъ, изъ древнихъ психологическихъ теорій его особеннымъ сочувствіемъ и расположеніемъ пользовались возвышенныя, нравственно-религіозныя и поэтическія идеи о природѣ и жизни души человѣческой Платона, а еще большимъ сочувствіемъ—выспреннія, мистико-религіозныя созерцанія Плотина; изъ твореній св. Отцевъ Церкви,

изображающих природу и жизнь души человеческой—самое глубокое и можно сказать благоговѣйное сочувствіе возбуждали въ немъ высокосозерцательныя творенія Макарія Египетскаго, Исаака Сирина; изъ сочиненій средневѣковыхъ мыслителей ему особенно сочувственны были, если не по формѣ изложенія, то основнымъ идеямъ, характеру и направленію мышленія, мистическія сочиненія Якова Бѣма; изъ новѣйшихъ психологическихъ теорій ему особенно сочувственны были теорія, составленная подъ вліяніемъ идей Шеллинговой философіи, которая болѣе чѣмъ всѣ другія, древнія и новыя философскія міросозерцанія, особенно во второй и послѣдней фазѣ ея развитія, когда она приняла мистико-религіозное направленіе, такъ глубоко сочувственное, повидимому, христіанской вѣрѣ, были ему по сердцу ¹⁾. Изъ психологическихъ теорій, построенныхъ на началахъ и по идеямъ Шеллинговой философіи, ни одна теорія такъ цѣлостно и всесторонне не соотвѣтствовала его духовному настроенію, такъ полно не удовлетворяла всѣмъ научнымъ, религіознымъ и эстетическимъ требованіямъ его духа, какъ

¹⁾ Эта великобѣдная, творческимъ гениемъ созерцательной мысли построенная философія, которой, вообще говоря, суждено было имѣть довольно сильное и глубокое образовательное вліяніе на многіе, лучшіе и благороднѣйшіе умы въ нашемъ отечествѣ, въ первой и началѣ второй четверти настоящаго вѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ она развиваема была, въ приложеніи къ наукамъ о природѣ и духѣ человеческомъ, послѣдователями Шеллинга—Ошеномъ, Карусомъ, а преимущественно тѣми изъ нихъ, кои принадлежали къ такъ называемой *мистически-религіозной фракціи* его многочисленной школы, Баадеромъ, Стеффенсомъ, Шубертомъ, Герресомъ... и проч.—имѣла вообще очень сильное и обширное вліяніе на все умственное развитіе проф. Авсенева. Первое предрасположеніе его къ ней отозвалось бессознательно, но всей вѣроятности, еще въ бытность его въ Воронежской семинаріи, гдѣ, въ то время, еще довольно живо и сильно было впечатлѣніе, произведенное тамъ извѣстнымъ шеллингистомъ *Зацхариннымъ*; а въ Академіи, гдѣ онъ въ студенчествѣ съ особенною любовью изучалъ сочиненія Шеллинга, перешло въ *сознательное расположеніе*. Въ періодъ времени, предшествующій избранію его на кафедру психологій, это расположеніе уже совсѣмъ развилось и оцрѣпло въ немъ...

теорія души Шуберта. Глубоко-религіозное и глубокомысленное воззрѣніе ея на природу и сущность души человѣческой, ея происхожденіе, временную жизнь и вѣчное назначеніе, систематически стройное и симметрически художественное построеніе въ цѣломъ и частяхъ, одушевленный и поэтически образный языкъ, — все въ этой системѣ соединено было такъ, что при первомъ знакомствѣ съ нею молодого Авсенева, она подействовала на его религіозно-эстетически настроенный умъ какъ бы магически, т. е. совершенно очаровала и плѣнила его умъ, такъ, что, въ первые годы его профессуры, научныя движенія его мысли, сознательно или бессознательно, вращались въ кругѣ, ею очертанномъ, и въ направленіи, указываемомъ ея началами, и только изрѣдка, по временамъ, когда запутывались въ какихъ либо неопредѣленныхъ, туманныхъ или призрачныхъ представленіяхъ, освѣщались лучами свѣта, идущими изъ другихъ, высшихъ и болѣе свѣтлыхъ сферъ. Поэтому, безъ колебаній онъ и избралъ ее въ *руководство* для себя, по преподаванію психологіи въ Академіи. Онъ былъ вполне увѣренъ, что эта психологическая теорія, какъ по направленію и характеру, такъ и по своему содержанію, будетъ вполне соответствовать и цѣлямъ и духу академическаго образованія. Ему казалось, она придетъ по сердцу Академіи, какъ пришла къ нему самому¹⁾. И такъ какъ онъ принялъ Шубертовскую теорію души

¹⁾ Ему приходилось, однакожь, довольно горькими опытомъ дознавать, что это соответствіе принятой имъ въ руководство психологической системы далеко не такъ целою, какъ онъ воображалъ, а, въ послѣдствіи времени, и самому подмѣчать и открывать въ ней нѣкоторые болѣе или менѣе важные недостатки: но ни эти ошты, ни эти открытія не измѣнили въ немъ существенно высокаго мнѣнія объ избранномъ имъ руководителѣ въ дѣлѣ преподаванія психологіи. Такъ, уже при самомъ концѣ педагогической своей дѣятельности въ Академіи, въ 1850 году, составляя, по порученію академической Конференціи, программу психологіи для университетовъ и указывая въ ней различныя учебныя пособія для преподаванія, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующія слова: *аналитическая* изъ психоло-

съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ ея вѣрности, то, особенно въ первые годы, и проповѣдывалъ ее съ кафедръ со всеми признаками человѣка убѣжденнаго, съ жаромъ и одушевленіемъ, какъ истину.

Такъ, положа руку на сердце, профессоръ Авсенева порѣшилъ, на первый разъ, и эту вторую половину своей педагогической задачи,—и это первое рѣшеніе его имѣло существенное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ его ученой и педагогической дѣятельности.

Въ послѣдствіи времени, при болѣе охлажденномъ лѣтами и опытами размышленіи, при болѣе широкомъ и глубокомъ изученіи психологій въ ея современномъ состояніи и историческомъ развитіи и при большей умственной и нравственной зрѣлости и опытности, онъ началъ, однакожъ, мало-по-малу, все яснѣе и яснѣе сознавать многіе болѣе или менѣе важные недостатки этой психологической теоріи, какъ въ основныхъ идеяхъ ея о природѣ души человѣческой, такъ и въ способѣ ея построенія. Главнѣйшіе недостатки Шубертовой теоріи души, по его сознанию, состояли, какъ онъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ, «въ томъ, что 1) его идеи о душѣ тѣсно связаны съ его общимъ натуралистическимъ міровоззрѣніемъ, въ которомъ есть много представленій темныхъ и невѣрныхъ, какъ, напр. о душѣ міра, и во 2-хъ въ томъ, что его психологическая теорія построена и изложена чисто синтетическимъ методомъ и чужда всякаго анализа». Очистить основныя идеи Шуберта о существѣ души человѣческой, ея происхожденіи и назначеніи, отъ приросшей къ нимъ примѣси не совсѣмъ чистыхъ представле-

тій, но чисто христіанскому направленію духа, но глубинѣ и свѣтлости взглядовъ, но систематической стройности изложенія и но чрезвычайному богатству опыта и матеріала есть, безъ сомнѣнія, «Шуберта Исторія души». Шубертъ вообще можетъ служить благонадежнѣйшимъ руководителемъ въ преподаваніи психологій.

ній Шеллинговой натурал. философіи, и ввести въ развитіе и изложеніе ихъ методу аналитическую—и составило главную задачу его дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Такимъ образомъ, съ 40 годовъ, частію подъ вліяніемъ родственныхъ Шуберту, по духу и школѣ, психологовъ и философовъ (Гейнрота, Эшенмайера и Баадера), а гораздо болѣе подъ вліяніемъ высшаго свѣта Божественнаго откровенія (изученіемъ котораго, въ это время, онъ специально занимался) и просвѣтительнаго вліянія писаній св. Отцевъ Церкви, въ немъ, мало по-малу, сложилось и развилось его собственное, болѣе или менѣе самостоятельное, глубокомысленное и глубоко-религіозное воззрѣніе на природу и жизнь души человѣческой, которое, съ 1845 года, онъ и развилъ, въ послѣдніе академическіе курсы свои, предъ своими слушателями, и которое, одушевляя и проникая всё его психологическія чтенія своимъ высокимъ христіанскимъ духомъ и направленіемъ, сообщило имъ высокую цѣну и достоинство....

Что же касается до второй половины задачи—до устраненія въ психологіи методологическаго недостатка, имъ замѣченнаго, то, не смотря на неоднократныя, довольно, впрочемъ, слабыя попытки его ввести въ изложеніе науки о душѣ, вмѣсто синтетической, аналитическую методу, въ слѣдствіе ли то трудности—боротья съ старыми укоренившимися привычками къ синтетическимъ построеніямъ и свыкаться съ новыми приемами анализа, или же въ слѣдствіе не совсѣмъ яснаго и полнаго сознанія недостатковъ въ первой и требованій второй методы—этотъ недостатокъ не былъ устраненъ имъ изъ психологіи. Какъ съ самаго начала, такъ и до самаго конца его педагогической дѣятельности, онъ излагалъ науку о душѣ человѣческой, главнымъ и почти исключительнымъ образомъ, методою синтетическою, начиная изложеніе съ самыхъ общихъ и основныхъ понятій о природѣ и сущности души человѣческой,

ХІІ

утверждающихся на всеобщемъ религіозно-философскомъ его міросозерцаніи, и за тѣмъ, послѣдовательно развивая и проясняя ихъ въ приложеніи къ различнымъ видамъ и формамъ душевной жизни. Построемая и излагаемая имъ такимъ образомъ психологія, хотя она и носила обыкновенно названіе *опытной*, была, однакожъ, въ существѣ дѣла, отнюдь не опытною, основанною на фактахъ *наукою*, а *умозрительною* теоріею, основанною на философскихъ началахъ, — или, если угодно, — это была не *наука* — (Science), а *философія* духа, — и философія, прибавимъ, сколько глубоко-религіозна, столько же и глубокомысленная...

Можетъ быть, духу нашего времени, довольно охладѣвшаго къ философскимъ умозрѣніямъ, вообще, такая научная постановка психологіи показалась бы не совсѣмъ научною, можетъ быть, въ наше время, съ его, повидимому, болѣе умѣренными и ограниченными научными стремленіями, потребовали бы, чтобы наука о природѣ и жизни души человѣческой поставлена была на болѣе низкомъ, но болѣе прочномъ основаніи доступныхъ наблюденію фактовъ внутренняго и вѣшняго опыта и развиваема была методою аналитическою, по всѣмъ правиламъ строго научнаго изслѣдованія, не выходя за предѣлы опыта, а къ умозрительной психологіи отнеслись бы, чего добраго, и несочувственно. Но духъ того недалекаго отъ насъ времени, для котораго предназначалась эта глубокомысленная и возвышенная, по своимъ стремленіямъ и идеямъ, философская теорія души, былъ далеко не похожъ на духъ нашего времени. Это было такое время, когда и въ Европѣ, и въ нашемъ отечествѣ, во всѣхъ почти мыслящихъ кругахъ, а особенно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ вообще, а въ нашей кіевской академіи въ частности — было довольно сильно возбуждено и развито стремленіе ума къ возвышеннымъ, идеальнымъ сферамъ мысли, къ

метафизическимъ умозрѣніямъ и чисто мысленнымъ построєніямъ дѣйствительности, словомъ, къ философской созерцательности. При томъ умственномъ настроєніи, какое господствовало въ студентахъ нашей Академіи, въ 30-хъ и 40-выхъ годахъ, эта глубокомысленная, стройно и послѣдовательно развиваемая философская теорія духа, именно этимъ философскимъ направленіемъ своимъ, и возбуждала въ студентахъ Академіи тѣмъ большее сочувствіе, что она всецѣло провинута была, въ то же время, глубокимъ религіознымъ духомъ.

Если мы присоединимъ къ сказанному, что, излагая эту теорію своимъ слушателямъ, профессоръ Авсенева передавалъ ея идеи со всѣми признаками полного и искреннаго своего убѣжденія въ ихъ истинѣ, съ искреннимъ, сердечнымъ желаніемъ подѣлиться съ ними своими задушевными взглядами и убѣжденіями,—что онъ старался сообщить своимъ мыслямъ, по возможности, поэтически-художественное выраженіе, произносилъ свои лекціи съ одушевленіемъ, задушевымъ и льющимся въ душу, симпатическимъ голосомъ, всѣми чертами лица своего выражалъ желаніе вступить съ ними въ полное духовное общеніе мыслей и чувствованій: то намъ становится совершенно понятнымъ, почему и чѣмъ его психологическія лекціи производили на большую часть студентовъ Академіи глубокое впечатлѣніе, многихъ восхищали и увлекали, и всѣхъ интересовали.

Впрочемъ, мы имѣемъ основаніе думать и надѣяться, что эта прекрасная философская теорія духа человѣческаго, какъ глубоко-религіозная, такъ и глубокомысленная, интересна не только какъ памятникъ прошедшаго времени, но и въ наше время могла бы проложить себѣ путь къ уму и сердцу многихъ любителей самопознанія, если бы приведены были въ общую извѣстность всѣ письменные ея памятники.

Изъ письменныхъ произведеній проф. Авсенева, свидѣтельствующихъ о направленіи и содержаніи его лекцій по психологій, осталось при Академіи довольно значительное количество:

1. Въ первые свои академическіе курсы психологій (1836—40), онъ читалъ по ней лекціи, руководствуясь, главнымъ и почти исключительно образомъ, «Исторією души» Шуберта. По этому, и записки по психологій, составленныя имъ за это время для студентовъ, составлены были, главнымъ образомъ и почти исключительно, по этому сочиненію Шуберта, или точнѣе говоря, были передѣлкою другаго учебнаго руководства по психологій Шубертова—«*Lesebuch der Psychologie*». Такъ, въ первомъ же курсѣ своемъ (въ 18^{37/38} г.), онъ написалъ для студентовъ 2-ю часть психологій—«*Исторію души*»; а на второмъ курсѣ (въ 18^{39/40}), исправивъ и дополнивъ 2-ю часть психологій, написалъ для нихъ и 1-ю часть психологій съ *Соматологією*, предваривъ ту и другую *историческимъ обзоромъ развитія психологій*—отъ начала ея до настоящаго времени.

2. Въ 1840-мъ году, по требованію духовно-учебнаго Управленія, онъ составлялъ довольно обширную и подробную *программу психологій*, въ составъ которой, кромѣ элементовъ Шубертовой философіи, вошло значительное количество элементовъ, заимствованныхъ изъ другихъ, частью родственныхъ Шуберту по духу и школѣ, (Гейнротта, Эшенмайера, Каруса), а частью принадлежащихъ къ другимъ школамъ и направленіямъ психологовъ (особенно Фриза и Фишера Базельскаго). И эта программа служила, въ теченіе слѣдующихъ двухъ академическихъ курсовъ (1841—45), руководствомъ какъ для него самого, при преподаваніи, такъ и для студентовъ, при повтореніи имъ преподаваемаго. Въ этомъ же періодѣ со-

ставлено было имъ нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей о разныхъ психологическихъ предметахъ (напр. о совѣсти, о смерти, о союзѣ души съ тѣломъ, о темпераментахъ и пр.).

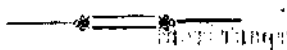
3. Наконецъ, въ 1845-мъ году, ставши ординарнымъ профессоромъ философіи, онъ задумалъ и рѣшился написать самостоятельное учебное руководство по психологіи; но многочисленныя учебныя и административныя занятія его за все послѣдующее за тѣмъ время, при глубоко разстроенномъ уже здоровьѣ, къ сожалѣнію, не позволили ему окончить этого труда: онъ успѣлъ, за это время, написать только (меньшую, 6. м.) половину первой части психологіи и окончательно обработать нѣсколько трактатовъ изъ 2-й части психологіи.

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Академіи, въ 1850-мъ году, онъ тщательно пересмотрѣлъ все, въ разные времена написанное имъ по психологіи и, выбравъ болѣе зрѣлыя и самостоятельныя статьи свои, относящіяся къ психологіи, равно какъ и нѣкоторыя переводныя, стоящія особеннаго вниманія, составилъ изъ нихъ *«Психологическій Сборникъ»*, который, при прощаніи своемъ съ Академіею, вручилъ протоіерею Скворцову съ тѣмъ, чтобы онъ, по смерти его—Авсенева, передалъ этотъ сборникъ его на храненіе въ бібліотеку Кіево-Софійскаго собора.

Такъ какъ въ этомъ Сборникѣ помѣщены профессоромъ Авсеневымъ только такія статьи и трактаты по психологіи, кои онъ считалъ болѣе или менѣе стоющими сохраненія ихъ въ памяти, то и мы, въ нашемъ академическомъ настоящемъ Сборникѣ, для выраженія признательной памяти о его многолѣтней и плодотворной педагогической дѣятельности въ Ака-

деміи, считаемъ достаточнымъ напечатать только тѣ изъ со-
ставленныхъ имъ въ разныя времена трактатовъ по психологіи,
кои помѣщены имъ самимъ въ его Сборникѣ и кои онъ
самъ считалъ стоящими памяти.

Д. П.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ПСИХОЛОГІЮ.

1) Происхождение психологи.

Когда человекъ, слѣдуя врожденному стремленію къ божественной истинѣ, исходитъ ищущимъ разумомъ въ разнообразіе вещей видимаго міра, то съ теченіемъ времени всѣ внѣшнія вещи и явленія препровождаютъ и сосредоточиваютъ его вниманіе отвнѣ внутрь, къ нему самому. Тогда, встрѣчаясь внутри себя съ собою, онъ спрашиваетъ самого себя: *кто я есмь?*

2) Предметъ и наименованіе ея.

Остановливая взоръ свой на себѣ, человекъ скоро отличаетъ то, что въ немъ самомъ составляетъ его существо, отъ бытія, приходящаго къ нему, какъ отъ низшаго, именно—своего тѣла и природы, такъ и отъ высшаго—Божественнаго, ко-его присутствіе и вліяніе онъ испытываетъ въ себѣ,—и это свое существо называетъ *душою*. Далѣе, въ этомъ своемъ *я* человекъ отличаетъ *постоянное и общее* ему съ другими людьми,—то, что принадлежитъ ему, какъ человекъ, отъ случайныхъ и частныхъ свойствъ и дѣйствій, принадлежащихъ ему, какъ известному *лицу*, по его темпераменту, полу, возрасту, званію, отношеніямъ,—и только первое, *чисто человекъ*

ческое поставляет себя предметомъ изслѣдованія. Наконецъ, и эту общечеловѣческую природу души онъ желаетъ знать, не только въ настоящемъ земномъ образѣ ея бытія, хотя общимъ для всѣхъ людей, но въ самомъ чистомъ и вѣчномъ ея существѣ, дабы при руководствѣ этой идеи правильно уразумѣвать истинное значеніе силъ, стремленій и дѣйствій души.

Наука, имѣющая предметомъ изяснить являющееся намъ устройство и жизнь души изъ чистаго ея существа, дабы привести человека въ истинное самопознаніе, есть психологія. Ее называютъ кромѣ того еще *антропологією* и *философією подлежательную духа*. Но какъ первое названіе поставляетъ предметомъ нашей науки преимущественно ту часть души, которую она связана съ тѣломъ и кромѣ того вводитъ въ кругъ психологіи и тѣлесную жизнь человѣка, а чисто духовное, отрѣшенное отъ тѣла, существо души оставляетъ безъ вниманія, такъ по послѣднему названію, наоборотъ, психологія должна разсматривать душу, только какъ духъ, не изслѣдуя ее въ союзѣ съ тѣломъ, какъ будто онъ есть для нея нѣчто случайное и несущественное, и не касаясь вовсе тѣлесной жизни. И то и другое въ нашей наукѣ было бы крайностію. Названіе психологіи есть, безъ сомнѣнія, тѣснѣйшее; ибо обозначаетъ самый настоящій предметъ ея: истинное существо человѣка есть духъ, проявляющій себя въ существенномъ союзѣ съ тѣломъ или—душа (ψυχή).

3) Цѣль психологіи:

Ближайшая цѣль психологіи есть удовлетвореніе естественному желанію души знать себя, доставить ей высокое удовольствіе самосвѣденія, но съ самосознаніемъ душа узнаетъ и недостаточность своего существа, суетность всѣхъ своихъ конечныхъ стремленій и глубочайшую потребность соединенія съ Единнымъ верховнымъ добромъ. Показывая душѣ сію потреб-

ность и влеченіе во всѣмъ силамъ и дѣйствіямъ ея, психологія вмѣстѣ открываетъ и способы покорять ихъ ея волѣ, привести ее въ самообладаніе надъ собою, дабы она могла поставить себя на путь, ведущій ее къ ея цѣли и идти имъ безъ преткновенія, или побудить ее искать помощи къ тому внѣ, въ богодарованной свыше религіи. Дальнѣйшая цѣль психологіи есть приложить приобрѣтенныя познанія о душѣ къ различнымъ житейскимъ цѣлямъ и стремленіямъ человѣка, именно—послужить наукѣ, искусству, общественной жизни. Какъ симъ стремленіямъ наука наша прежде всего обязана бываетъ своимъ происхожденіемъ, такъ и воздастъ имъ плодами своихъ изысканій.

4) *Житейская психологія.*

Отъ настоящей науки о душѣ должно отличать такъ называемое практическое знаніе людей, которое приобрѣтаетъ каждый въ теченіи жизни, частію на себѣ самомъ, а частію на другихъ. Каждый человѣкъ, какъ существо самосознательное, наблюдая себя и другихъ въ различныхъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ, мало-по-малу отвлекаетъ и собираетъ разныя понятія о способностяхъ, свойствахъ и состоявіяхъ души, относящіяся къ возрасту, полу, темпераменту, званію, племени и т. под. Таковыя понятія о себѣ и другихъ нужны для жизни,—именно, чтобъ мы, напр. противъ склонностей и способностей не избирали рода жизни, чтобъ знали, что въ насъ требуетъ исправленія и какъ намъ обращаться съ собою въ томъ или другомъ случаѣ,—дабы мы знали, какъ намъ вести себя въ отношеніяхъ нашихъ съ ближними; какъ различать добродѣтельнаго отъ лицемерна, друга отъ недруга и т. под. Но сіи познанія суть частныя, необъединяемая въ общемъ понятіи души, суть познанія людей, а не человека и сами по себѣ не заслуживаютъ быть предметомъ науки. Чѣмъ совершеннѣе бываетъ состояніе гражданскаго общества, тѣмъ менѣе значенія имѣютъ въ немъ

частные нравы и склонности людей, тѣмъ менѣе зависить отъ нихъ ходъ дѣлъ. Конечно, пріятно наблюдать это разнообразіе характеровъ; мы видимъ въ томъ неисчерпаемое богатство Творческой силы, какъ она всеобщій типъ отпечатлѣваетъ въ безконечно-различныхъ видахъ. Но предметомъ науки и именно философской можетъ быть только этотъ *всеобщій типъ, общечеловѣческій* характеръ, а онъ-то съ теченіемъ времени въ народѣ и пріобрѣтаетъ господство надъ частными привычками и склонностями. Лице тѣмъ выше, чѣмъ ближе его характеръ къ общему типу народа, а чрезъ него челоуѣчества. Богочеловѣкъ есть челоуѣкъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, — челоуѣкъ вѣчный.

5) *Источники психологій.*

Къ пріобрѣтенію ученаго познанія о душѣ есть три источника и отсюда три рода или лучше степени психологій.

1) *Наблюденіе*, и преимущественно а) *внутреннее*, по которому душа, какъ существо самосознательное, сама внутреннимъ окомъ или чувствомъ видитъ или ощущаетъ, что она всякій разъ дѣлаетъ или претерпѣваетъ. Но б) привычки на самой себѣ испытывать, что извѣстныя внутреннія ея дѣйствія или состоявія сопровождаются извѣстными явленіями и перемѣнами въ тѣлѣ, она по внѣшности другихъ людей заключаетъ и о внутреннихъ ихъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ и, такимъ образомъ, отверзаетъ себѣ входъ въ душевную жизнь другихъ. Поэтому и наблюденіе внутреннее надъ душею вспомошествоется *наблюденіемъ внѣшнимъ*. Однако послѣднее всегда повѣряется первымъ. То и другое можетъ быть и *простое*, когда мы прямо наблюдаемъ себя, или другихъ въ извѣстномъ состояніи; и *искусственное*, когда мы себя или другихъ (если это не противно законамъ челоуѣколюбія) нарочито приводимъ въ такое состояніе, въ которомъ извѣстныя явленія или качества ихъ души

наблюдать может. Когда мы, опираясь на самопознание, научимся уразумѣвать свойство и жизнь другихъ по ихъ душевнымъ проявленіямъ, то намъ понятны становятся проявленія души, повѣствуемая въ исторіи и вся исторія человѣка дѣлается обширнымъ и несчерпаемымъ источникомъ психологіи.

2) *Умозрѣніе*. Умозрительное познание о душѣ есть созерцаніе чистою мыслию того совершеннѣйшаго, чуждаго всѣхъ недостатковъ и ограниченій, полнаго образца души, по которому зиждутся всѣ существующія пути въ дѣйствительномъ мірѣ, и котораго всѣ они суть частныя и недостаточныя выраженія. Какъ невидимая мысль, первообразъ сей носится надъ всѣмъ царствомъ человѣческихъ душъ и живетъ въ немъ зиждительною своею силою. Какъ всякая душа въ естествѣ своемъ по нему создана и въ жизни по нему должна свободно образовывать себя: то ей и врождено чистою мыслию созерцать его. Эта мысль первообраза души, или идея души, есть порожденіе собственнаго ея естества. Однако она раскрывается при помощи опыта, именно, когда мы рассматриваемъ всѣ многообразныя виды дѣйствительно существующихъ душъ, когда поставляемъ душу человѣческую въ порядокъ прочихъ тварей, когда сличаемъ ея совершенства съ свойствами Божественными.

3) *Откровеніе*. Откровенное познание души получается изъ св. Писанія, гдѣ самъ Богъ, который и создалъ душу по своему первообразу и совершенно ее знаетъ, свидѣтельствуетъ намъ о Богоподобномъ естествѣ ея и строеніи, о жизни и вѣчномъ назначеніи. Ученіе св. Писанія о душѣ, какъ обыкновенно, излагается въ частныхъ разбросанныхъ изрѣченіяхъ: но богословіе собираетъ ихъ въ одно стройное цѣлое.

6) *Образованіе и характеръ опытной психологіи.*

1) Наблюденіе служитъ орудіемъ къ составленію *опытной психологіи*. Наблюдая въ душѣ своей или другихъ многія

частныя и случайныя явленія, напр. чувства, мысли, желанія и проч., мы удобно замѣчаемъ между ними сходство и различіе; раздѣляемъ ихъ на классы, каждый изъ классовъ возводимъ къ ихъ причинамъ, т. е. силамъ и способностямъ души; кои однообразіемъ своей дѣятельности въ разныхъ ея повтореніяхъ обличаютъ намъ и свои законы; сіи силы и способности приводимъ въ соотношеніе между собою и потому сводимъ къ общему ихъ корню или основанію, самому существу души. Но это существо души еще слито бываетъ со многими частными отличіями ея, относящимися къ племени, темпераменту, полу, возрасту и пр. Сравнивая всѣ эти частныя и случайныя видоизмѣненія и состоянія души, мы мало-по-малу усматриваемъ одинъ общій всѣмъ людямъ образъ ея; отдѣляя его отъ иныхъ видовъ и перемѣнъ, мы такимъ образомъ познаемъ въ немъ самую ея природу. Такое познаніе о природѣ души, приобретаемое чрезъ восхожденіе отъ явленій къ причинамъ, отъ множественнаго къ единству, отъ частнаго къ общему, на основаніи наблюдений, есть *опытная психологія*.—Явно, что такъ какъ она основывается только на явленіяхъ дѣйствительнаго существованія души въ мірѣ чувственномъ, то и не достигаетъ до истиннаго существа души, ибо изъ того, какою она является въ настоящей своей жизни, еще нельзя видѣть, какою она должна быть въ чистомъ своемъ существѣ.

2) *Умственной*. Умственная психологія происходитъ тогда, когда являющійся въ опытѣ образъ души рассматриваемъ при свѣтѣ ея первообраза, и возводимъ его къ возможному совершенству. Входя внимательнѣе въ силы и способности души, мы усматриваемъ между ними такую тѣсную и внутреннюю связь, что всѣ онѣ одна предполагаетъ другую и вѣстѣ взятыя составляютъ одну живую силу, одно чисто-дѣятельное существо, въ отношеніи къ которому многообразныя образы дѣйствительнаго бытія души суть какъ бы частныя отрывки нѣко-

того высшаго и совершеннѣйшаго образа жизни, только въ соединеніи своемъ получающіе свой настоящей смыслъ и значеніе (*Via causalitatis*). При чемъ мы усматриваемъ, что эти различныя силы и дѣйствія души могли бы составить единое существо и согласную жизнь; для сего надобно отдѣлить отъ нихъ всѣ недостатки и несовершенства, приводящіе въ нихъ отъ дѣянія чувственности, отъ неравновѣсія между способностями души, отъ коренной ея порчи и другихъ подобныхъ причинъ, — и на мѣсто ихъ внести въ душу противоположныя имъ совершенства (*Via negationis*). Но совершенствамъ души нельзя положить предѣловъ; по сему во всѣхъ стремленіяхъ ея, и въ познаніи, и въ чувствованіи, и въ дѣятельности, ей поставляется дѣлюй безконечный прообразъ всякаго совершенства (Матѣ. V, 4) (*Via eminentis*). И такъ здѣсь мы встрѣчаемъ образъ Божій въ душѣ, отраженіе въ ней Божественныхъ совершенствъ. Такое развитіе идеи души при свѣтѣ ея первообраза есть предметъ умственной психологіи. Она познаетъ самое истинное существо души, которое и состоитъ въ образѣ Божіемъ.

3) Но если это существо души, этотъ образъ Божій въ ней мы познаемъ при свѣтѣ идеи ея первообраза, существа Все-совершеннаго, то для чистаго, яснаго и твердаго познанія о душѣ надобно имѣть такое же познаніе о Богѣ. Но хотя первообразъ души, Богъ, отчасти, въ зеркаль творенія познается и естественнымъ разумомъ (Рим. 1, 20, 21), однако недостаточно, и собственно Онъ даетъ себя познавать только изъ откровенія въ Смыслъ своемъ, который предѣчно есть Богъ и человѣкъ (2 Цар. VII, 19. см. 1 Парал. XVII, 17; Иезек. 1, 26; Дан. VII, 13 и X, 15; Иоан. III, 13; 1 Кор. XV, 45—50). Онъ-то есть истинный нашъ Прообразъ, который явилъ намъ Себя и въ словѣ и въ воплощеніи; — и по руководству сего откровенія показать, какъ человѣкъ, получить образъ Божій при со-

зданія, помрачилъ его въ паденіи и постепенно возвращаетъ въ искупленіи—есть задача *психологій библейской*.

Ихъ отношеніе между собою. Нѣтъ ни возможности, ни пужды положить совершенное разъединеніе и отчужденіе между этими различными способами знанія души и происходящими отсюда разными ученіями о ней. Они имѣютъ естественную связь между собою и составляютъ одну полную науку о душѣ. Психологія *опытная* разсматриваетъ душу, какъ *явленіе*. Умственная—познаетъ ее въ ея *существовѣ*, какъ образъ Божій, а откровенная представляетъ ея Первообразъ. Однакожъ наша наука должна взять за *главное* руководство одно что нибудь, и именно опытъ, а прочими пользоваться только какъ пособіемъ. Именно, опытъ (внутренній и вѣдшій) доставляетъ ей познаніе о положительномъ содержаніи души; умозрѣніе объясняетъ ей внутренній смыслъ, и значеніе его; а откровенное ученіе о душѣ служитъ ей руководствомъ и критеріемъ, предостерегая ее отъ заблужденій.

7) Трудность психологій и пособія къ преодолѣнію ея.

Хотя ничего нѣтъ къ душѣ ближе самой души и ничего нѣтъ естественнѣе, какъ существу по природѣ самосознательному знать себя, однакоже пріобрѣтеніе истиннаго познанія о себѣ соединено съ великими затрудненіями. 1) Внутреннее наблюденіе надъ собою само по себѣ составляетъ великую трудность. Вообще, мы не столько водимся познаніями разума, сколько желаніями сердца, которыя порабащаютъ насъ господству и подчиняютъ могущественному дѣйствію на насъ разнообразнаго вѣдшяго міра, природы и общества, и не даютъ намъ настоящимъ образомъ прійти въ себя, быть въ себѣ и наблюдателями и предметами наблюденія; для этого самораздвоенія обыкновенно душа *либо* сосредоточиваетъ мысль для наблю-

денія, при чемъ ослабѣваетъ въ ней сила наблюдаемыхъ дѣйствій и явленій, либо предается дѣятельности и движеніямъ, составляющимъ предметъ наблюденія, при чемъ ослабѣваетъ въ ней напряженность вниманія и мысль для наблюденія. Блѣдствіе сего внутреннія явленія нашей души совсѣмъ не имѣютъ для нашего познанія такой предметности, постоянства и раздѣльности, какъ явленія міра вѣшняго; мы лучше ощущаемъ то, что представляется намъ внѣ, чѣмъ то, что внутри насъ; лучше то, что стоитъ неподвижно въ пространствѣ, нежели то, что быстро течетъ и измѣняется во времени; лучше то, что раскрыто въ раздѣльныхъ вещахъ и частяхъ, нежели то, что слито въ простомъ или нераздѣльномъ существѣ нашего я.

2) Еще болѣшей трудности подлежатъ уразумѣніе внутреннего существа души. Ибо душа въ настоящемъ состояніи вообще весьма медленно пробуждается къ воспроизведенію въ умѣ своемъ, какъ всѣхъ прочихъ первообразовъ, такъ и своего собственнаго. Если иногда сквозь мглу чувственныхъ представленій и просіяетъ въ ней лучшій и высшій образъ возможнаго для нея бытія, то въ примѣненіи его къ себѣ она по самолюбію не захочетъ признать въ нихъ своего первообраза, а въ себѣ далекаго уклоненія отъ него и поврежденія, и скорѣе станетъ измѣнять черты своего прообраза по своему дѣйствительному состоянію, а сіе послѣднее представлять себѣ единственно для нея возможнымъ и лучшимъ. Впрочемъ, и независимо отъ того, весьма трудно примирить въ понятіи душу, разсматриваемую какъ *поштенон* съ душею какъ *phaenomenon*. И какъ, напр. согласить простоту ея существа съ множественностію ея силъ и дѣйствій, ея духовность съ внутреннею зависимостію ея отъ тѣла, самостоятельность и свободу ея — съ подчиненіемъ всеобщей связи и порядку вещей, ея неизмѣнную личность — съ столь великими перемѣнами ея судьбы, ка-

ковы ея происхожденіе, различныя случайныя состоянія, смерть, жизнь загробная и пр.?

3) При такихъ трудностяхъ омытовъ умственнаго познанія души имѣть ничего естественнаго, какъ призвать на помощь откровенное ученіе о ней, дабы имъ пополнить недостатки нашего человѣческаго вѣденія; но заимствованіе понятій изъ св. Писанія въ помощь естественной психологіи не чуждо своимъ важнымъ затрудненій. Ибо а) св. Писаніе имѣеть въ виду собственно удовлетвореніе не интересовъ науки, а потребности нашей нравственной жизни, и на многіе важные для разума коренные вопросы о душѣ, какъ-то: *о существѣ ея, какъ духа, о связи ея съ тѣломъ, о ея строеніи, происхожденіи* и т. п., не даетъ прямаго отвѣта, такъ что рѣшеніе ихъ намъ уже косвеннымъ образомъ надобно извлекать изъ практическихъ его изрѣченій. б) По внутренней связи между собою всѣхъ истинъ, конечно, должно предполагать, что въ ученія св. Писанія заключается *implicita* разрѣшеніе и всѣхъ возможныхъ вопросовъ о душѣ; но дабы находить въ немъ всякую желанную истину, для сего нужно имѣть око слишкомъ и слишкомъ чистое для нашего человѣческаго умственнаго зрѣнія.

Но къ облегченію сихъ трудностей изученія души есть известные способы, которые свободою и искусствомъ мы можемъ еще болѣе распространять и усовершенствовать.

Пособія къ облегченію затрудненій. 1) По отношенію къ внутреннему самонаблюденію, правда, мы болѣе занимаемся вѣншнимъ міромъ, нежели собою; но и въ свошеніи съ нимъ мы никогда не забываемъ себя; въ нашей же власти состоитъ болѣе и болѣе убѣгать житейскаго развлеченія и въ уединеніи находить и созерцать себя. Трудно для души раздвоиться на дѣятельность наблюдаемую и мысль наблюдающую, но по крайней мѣрѣ ни въ какихъ дѣйствіяхъ и состояніяхъ, даже въ самой сильной страсти душа не перестаетъ ощущать себя, и

по прошествіи ихъ можетъ воспоминать и испытывать свои ощущенія. Пользуясь симъ свойствомъ души, психологія можетъ, чрезъ постепенный навыкъ, свое самонаблюденіе углублять и вѣдрать въ своей душѣ такъ, что она во всѣхъ состояніяхъ, даже безсознательныхъ, какъ напр. во снѣ, какъ бы помня заданный ей урокъ, сама инстинктуально будетъ замѣчать въ себѣ то, что въ ней въ то время происходитъ.

Въ сравненіи съ понятіемъ внѣшнихъ вещей самонаблюденіе души надъ собою всегда будетъ имѣть по крайней мѣрѣ то преимущество, что душа все свое содержаніе имѣетъ непосредственно въ себѣ, въ своемъ чувствѣ, и съ нимъ однородна.

При постепенномъ ея самососредоточеніи въ себѣ и изощреніи внутренняго взора постояннымъ наблюденіемъ надъ собою будетъ ослабѣвать и мнимая очевидность чувственныхъ вещей, а напротивъ возрастать сила и осязательность внутреннихъ явленій.

2) *По отношенію къ умственному самосознанію.* Трудно раскрыть въ себѣ идею первообразнаго существа и бытія души, но за то вѣдь, конечно, нѣтъ ни одной души, которая бы въ томъ или другомъ видѣ не была подвижна безсмертнымъ желаніемъ лучшей для себя жизни, и не устремляла бы мыслей къ яснѣйшему и живѣйшему представленію о ней. Кто какъ мудрецъ ищетъ истиннаго позванія себя, тотъ не оставитъ возбуждать, возгнѣвать и очищать въ себѣ этого естественнаго стремленія души философскимъ размышленіемъ. Правда, мы любимъ настоящее поврежденное и недостойное состояніе своей души, и неохотно отрекаемся отъ него мыслями и желаніями; но часто и противъ воли мы принуждены бываемъ видѣть наше внутреннее растлѣніе и безобразіе, въ сравненіи съ первосозданною нашею красотою, въ зеркалѣ совѣсти; нашъ долгъ требуетъ отъ насъ стараться, чтобы это око нашей со-

вѣсти было чисто, дабы при свѣтѣ его и тѣло, т. е. самое существо души было свѣтло. Настоящее земное и чувственное состояніе души много потемняетъ собою чистую, первообразную ея природу, но оно же и проявляетъ ее въ себѣ; всѣ свойства, силы, дѣйствія и перемѣны души, при свѣтломъ, благонамѣренномъ разсматриваніи ихъ, сами собою, нечувствительно препривождаютъ мысль нашу къ тому высокому первообразу души, коего онѣ суть частныя отрывки и отраженія. Всѣ сіи разсѣянные лучи его, по внутреннему взаимному средству, сами собою соединяются въ одинъ богоподобный образъ; намъ остается только горнею мыслию болѣе и болѣе раскрывать въ себѣ оный образъ и преобразоваться въ него отъ славы къ славѣ.

3) *По отношенію къ употребленію откровенной психологии.* Сверхъестественное ученіе св. Писанія о душѣ непостижимо для естественнаго разума; но когда умственнымъ соверпаніемъ раскрыта будетъ въ сознаніи идея души, то само собою откроется взаимное, живое соотвѣтствіе и согласіе между обѣими ученіями; оба привлекутъ одно другое и найдутъ другъ въ другѣ приложеніе и исполненіе. Уразумѣніе же таинственнаго смысла божественнаго ученія о душѣ мы должны заимствовать у Отцевъ Церкви и святыхъ подвижниковъ, кои отверзали себѣ оный молитвою, постомъ и подвигами благочестія.

8) *Отношеніе психологии къ другимъ наукамъ.*

Человѣкъ, какъ существо духовно-тѣлесное, есть связь міра вещественнаго и духовнаго; назшею половиною онъ входитъ въ кругъ природы, какъ часть въ цѣлое, высшею въ общеніе ангеловъ и Бога, одной онъ первообразъ и цѣль, другой — образъ и подобіе. Потому я наука о человѣкѣ составляетъ связующій членъ дѣятельныхъ возвышенныхъ наукъ, ко всѣмъ

имѣть какое-нибудь отношеніе, а именно: частію служить имъ сама, частію пользуется ихъ услугами. Она имѣетъ отношеніе:

1) *Къ наукамъ естественнымъ.* Низшею частію своего существа, именно, животною душою, растительною жизнію и вещественнымъ началомъ тѣла, человѣкъ входитъ въ царство природы, принадлежитъ къ числу ея твореній и какъ часть живетъ въ ней жизнью прѣлага. а) Его животная душа, т. е. та часть человѣческой души, къ которой относятся его земныя представленія, ощущенія и склонности, во всей ихъ подробности и постепенности раскрывается въ царствѣ животныхъ; по ней человѣкъ есть полное животное и живетъ въ различныхъ, весьма замѣчательныхъ психологическихъ соотношеніяхъ съ животными. б) Растительная жизнь его тѣла во всѣхъ ея отправленияхъ и во всемъ развитіи представляется въ царствѣ растений; его живое тѣло есть именно растение и имѣетъ весьма тѣсное соотношеніе съ царствомъ растений. в) Стихи тѣлеснаго его состава въ неорганическомъ царствѣ представляются въ видѣ самостоятельныхъ вещественныхъ дѣателей; тѣло его есть вещество и состоитъ во внутренней связи съ вещественною природою; духъ человѣка получаетъ опредѣленный образъ и существованіе не иначе какъ посредствомъ души животной, тѣла живаго и вещества сложнаго. Посему психологія имѣетъ ближайшую нужду а) въ знаніи *зоологіи*; ибо человѣческія познанія, чувства и стремленія суть не иное что, какъ образумленная, такъ сказать, животныя представленія, ощущенія и склонности, и душа человѣческая есть образумленная и къ Богу стремящаяся душа животнаго. Посему весьма полезно для психологіи изучать познанія, чувства и нравы животныхъ. б) Отдаленную—въ *ботанику и физиологіи*; ибо естественныя перемѣны и состоянія души, зависяція отъ племени, темпераментовъ, половъ, возрастовъ, сна и бдѣ-

ніа, обморока и смерти и т. п., основываются на сокзѣ души съ растительною жизнедѣятельностію тѣла; которое изслѣдуется физиологією, а раздѣльно рассматривается въ царствѣ растений. в) Еще отдаленнѣйшую—въ *жизни* и *физикѣ*; ибо вещество есть опора для проявленія духа, и разными видами вещества опредѣляются разные образы сего проявленія. Въ этомъ отношеніи пища и питіе, которыми мы питаемся; воздухъ, которымъ дышемъ; небо, подъ коимъ живемъ; одежда, коею одѣваемся; предметы, на которые смотримъ; земля, по коей ходимъ и пр.,—все производятъ извѣстное вліаніе на душу и все достойно изученія психолога.

Но за то психологія съ своей стороны доставляетъ важную услугу всѣмъ изчисленнымъ естественнымъ наукамъ. Ибо человекъ и именно душа его есть смьсль и цѣль всего видимаго творенія; всѣ разрозненныя въ природѣ творенія въ немъ приходятъ во взаимный союзъ, и въ немъ достигаютъ своего назначенія. Такъ а) всѣ способности, чувства и наклонности животной души получаютъ настоящее свое значеніе только въ душѣ человека, гдѣ онѣ дѣлаются разумными и устремляются въ цѣлямъ, лежащимъ за предѣлами видимаго бытія. Напр. наклонность половая, въ животныхъ слѣпая и грубая, въ человекѣ становится разумною и великодушною любовію сильнаго къ слабому, основою общественной жизни и исторіи; и на сей степени есть уже образъ таинственнаго и божественнаго союза Иисуса Христа и Церкви; и здѣсь—то намъ объясняется, чего животное оное отношеніе служитъ отдаленнымъ прообразованіемъ. Растительная потребность тѣла принимать и уподоблять пищу, въ животной душѣ становится наклонностію къ пріобрѣтенію собственности, какъ средства для земной жизни, а въ духѣ человеческомъ—наклонностію принимать и усваивать себѣ понятія, какъ пищу, служащую для развитія духовнаго существа души; а на сей степени она является уже обра-

зомъ безсмертной для души и тѣла нищи—плоти и крови Господа нашего Иисуса Христа, и здѣсь только открывается намъ, какъ она растительная потребность служить отдаленнымъ прообразованіемъ высшей потребности вѣчной жизни нашего естества. Подобнымъ образомъ, животный языкъ служить прообразованіемъ слова человѣческаго, а оно образомъ Слова Божественнаго—Ипостаснаго, по разъясненію Отцевъ Церкви.

Тоже должно сказать и о всѣхъ другихъ склонностяхъ и способностяхъ души животнаго. Посему психологія служить весьма существеннымъ изъясненіемъ для зоологій.

б) Жизнь тѣлесная есть опора существованія души и отправления первой суть основа для дѣйствій послѣдней; почему тѣ и заимствуютъ свое значеніе и объясненіе отъ сихъ. Такъ, физиологическія отправления чувственныхъ органовъ, желудка и мышцъ, непонятны безъ свѣденій о наблюденіи, ощущеніи и произволѣ души животной, такъ, какъ сіи послѣднія въ свою очередь безъ идей познанія, чувства и свободы. Такъ, физиологическіе процессы рожденія, питанія, возрастанія, болѣзни и смерти тѣла получаютъ свое значеніе только въ происхожденіи, возрастаніи, въ болѣзняхъ и смерти челоуѣка душевнаго, такъ какъ въ свою очередь и сіи душевныя перемѣны имѣютъ свой первообразъ въ соответственныхъ имъ перемѣнахъ челоуѣка духовнаго. Съ этой стороны психологія доставляетъ весьма важную помощь для физиологій.

в) Наконецъ и самое вещество, входящее въ составъ тѣла, составляющее предметъ изученія *химіи*, съ неорганическими силами, въ немъ дѣйствующими, разсматриваемыми въ *физикѣ*, получаетъ свое настоящее значеніе только тогда, когда служитъ орудіемъ для цѣлей духа, когда входя въ тѣло, какъ бы пробивается сквозь различные процессы, дабы, очистившись жертвеннымъ огнемъ, сподобиться на олтарѣ духовной

жизни. Различные процессы природы, каковы: свѣтъ и тьма, притяженіе и отторженіе, электричество, химизмъ, магнетизмъ и проч. суть не иное что, какъ предварительное ея упражненіе въ томъ урокъ, который ей надобно совершить въ человѣческомъ естествѣ на служеніе духу. Посему лучшей, и наиболее человѣческой взглядъ на нихъ есть,—смотрѣть на нихъ, какъ на символы и вещественныя выраженія явленій духа въ оной жизни человѣка, напр., какъ на символы мысли и безсмыслія, любви и ненависти, гнѣва и дружества, повиновенія и упрямства и т. п.

Отсюда понятно, что человѣкъ до тѣхъ поръ не уразумѣетъ природы, пока не познаетъ самого себя, ибо онъ самъ есть ея смыслъ. А пока онъ познаетъ себя въ природѣ, до тѣхъ поръ не можетъ увидѣть въ природѣ и отраженій Божественныхъ совершенствъ; ибо онъ самъ только носить на себѣ образъ Божій. Между тѣмъ сіе-то именно естествознание и есть по-истинѣ душеполезно.

2) *Къ наукамъ о человѣкѣ.* а) Психологія эмпирическая имѣютъ нужду въ исторіи человѣка, ученой, художественной, гражданской, личной, частной и всеобщей. Ибо исторія человѣка есть развитіе всего сокрытаго въ духѣ его богатства жизни съ ея законами по пространству и времени. Что въ душѣ неудоборазлично и неуловимо по частности и быстротѣ дѣйствій, то въ исторіи представляется наблюденію въ раздѣльныхъ явленіяхъ и долго совершающихся событіяхъ. Такимъ образомъ проявленія ума естественно наблюдать въ исторіи науки; проявленія сердца—въ исторіи искусства; проявленія воли—въ исторіи государства. Но и наоборотъ: какъ совокупить подъ одинъ обзоръ эту исторію науки, искусства и государства, и тѣмъ паче всю въ цѣлости исторію человѣка, распростертую по необъятному пространству и неизмѣримому времени, и какъ уразумѣть сокровенные законы и кру-

жны, движущіе всѣми сими событіями, если не поставляя въ соотвѣтствіе съ ними самихъ себя, гдѣ вся эта исторія въ маломъ видѣ и внутреннемъ союзѣ является сознанию? Слѣдовательно и наоборотъ, истинное истолкованіе исторія есть психологія.

б) Психологія *умственная* имѣетъ нужду въ теоріи науки, искусства и нравственности жизни. Теорія науки есть не иное что, какъ организовавшійся разумъ; теорія искусства есть представленное въ мысленномъ образѣ эстетическое чувство; теорія общественной жизни—раскрытая природа воли; слѣдовательно цѣлостная система *философіи* есть полное понятіе человѣческаго духа, отпечатлѣнное въ изложеніи. Весьма полезно пріобрѣтенное нами путемъ внутренняго наблюденія познаніе о разныхъ силахъ нашего духа сличать съ тѣми идеальными изображеніями духа, кои начертываются въ философскихъ системахъ, дабы свои психологическія объ нихъ идеи повѣрять, исправлять и пополнять метафизическими идеями о нихъ философовъ. Почему, напр. не повѣрять своихъ понятій объ умственномъ познаніи, о языкѣ, о совѣсти и т. п. тѣми понятіями, кои философія сообщаетъ о нихъ въ онтологіи, въ теоріи языка, въ теоріи нравственности, гдѣ всѣ эти понятія излагаются во взаимной связи? Въ семъ смыслѣ умственная психологія есть часть философіи, и какъ часть, свою жизнь получаетъ отъ дѣлаго. Но съ другой стороны, всѣ сіи теоріи науки, искусства и жизни будутъ по необходимости шатки, мечтательны и погрѣшительны, если не будутъ основываться на психологическомъ изученіи соотвѣтствующихъ имъ силъ, какъ онѣ суть въ дѣйствительной жизни души. Ибо въ упомянутыхъ теоріяхъ излагаются законы различныхъ душевныхъ силъ; а законы эти должны быть не вымышлены, а снимаемы первоначально съ живой дѣятельности силъ, дабы могли опять имѣть къ нимъ приложеніе. Отъ пренебреженія къ психологіи проис-

ходятъ ложныя теоріи науки: *эмпиризмъ, идеализмъ, мистицизмъ и скептицизмъ*. Отсюда же въ теоріи изящнаго искусства — всё эти одинъ другому противорѣчащія толки о *классицизмѣ и романтизмѣ, о подражаніи и творчествѣ, о чувствительности и сухости, о нравственности и безнравственности*. Отсюда же въ практикѣ—либо ригоризмъ, либо поблажка, у моралистовъ и педагоговъ, одностороннія системы *исправленія и безопасности, у законодателей, порывы къ конституціи или деспотизму, у политиковъ и т. под.*

3) *Къ наукамъ богословскимъ—откровеннымъ*. Коренной характеръ души человѣческой состоитъ въ стремленіи ея къ Богу, а удовлетворяется это стремленіе ея въ благодатномъ свисхожденіи Бога въ ищущей Его душѣ. Отсюда тѣсный взаимный союзъ психологіи со всёмъ кругомъ богословскихъ наукъ. Психологія имѣетъ нужду въ нихъ, именно:

а) *Въ науку Богословія*. Богословіе сообщаетъ самое совершенное, какое только вмѣстимо для человѣческаго разума, понятіе о первообразѣ души—Богѣ, о самомъ образѣ и подобіи Его—душѣ, и взаимномъ отношеніи ихъ. а) Дабы уразумѣвать сущность души—образъ Божій, надобно имѣть предъ очами ея первообразъ—Бога и частице—Богочеловѣка. Но естественный разумъ, хотя и самъ по себѣ не чуждъ нѣкоторыхъ понятій о семъ, однако же удовлетворительно рѣшить важнѣйшее о душѣ, какъ-то: о ея происхожденіи, первоначальномъ состояніи, назначеніи, жизни по смерти и о вѣчномъ ея спасеніи или отверженіи, онъ безъ помощи откровенія не можетъ. Отсюда происходитъ между прочимъ тотъ весьма важный недостатокъ психологій, что настоящій образъ бытія души, не смотря на всю ея неестественность, она б. ч. почитала ей совершенно естественнымъ и сроднымъ. Одно Богословіе изъ св. Писанія проливаетъ ясный и удовлетворительный свѣтъ на всю высшую сторону души. А вмѣстѣ, съ тѣмъ и отношеніе

души къ Богу, коренное стремленіе ея къ соединенію съ Намъ, которое составляетъ собственный характеръ ея и даетъ правило для опредѣленія назначенія и относительнаго достоинства ея силъ и дѣйствій, ея религіозная жизнь—все это съ удовлетворительною ясностію открывается только изъ св. Писанія и именно изъ Новаго Завѣта, который изображаетъ внутренній спасительный союзъ души съ Богомъ. Только тогда душа именно и познаетъ себя, когда то самое Высочайшее добро, коего она всѣми силами своими жаждетъ, но коего только нѣкоторый образъ уловляетъ въ тускломъ зеркалѣ чувственнаго бытія, само къ ней нисходитъ и пріемлетъ ее въ желанное вѣчное соединеніе съ собою.

б) *Въ исторіи Церкви.* Ибо исторія Церкви представляетъ жизнь духовнаго человѣка; она разлагаетъ на отдѣльныя явленія и событія все то богатство содержания, которое слитно заключается въ вѣрѣ и даетъ опытно наблюдать тѣ самыя таинственныя и сверхъестественныя движенія, свойства и стихіи вѣрующей души, кои Богословіе сокращаетъ въ одно понятіе. Въ семъ случаѣ и исторія прочихъ ложныхъ религій есть весьма полезное пособіе для психологіи, ибо можетъ быть нигдѣ такъ не открывается истинная природа глубочайшей потребности души, именно религіозной, какъ въ многоразличныхъ типетныхъ усиліяхъ души самой отъ себя произвестъ или въ кругѣ видимыхъ вещей отыскивать ту духовную, свыше исходящую воду жизни, которая нужна для удовлетворенія оной жажды.

Но съ своей стороны и Богословіе не можетъ не признавать тѣхъ услугъ, коими одолжено оно психологіи и именно: а) для *системы Богословія*, психологія составляетъ необходимую вспомогательную науку. Ибо ученіе Богословія о *Богѣ*, какъ существѣ безконечномъ, невидѣтимо и неудобно пріемлемо само по себѣ, безъ понятія о *человѣкѣ*, ограниченномъ Его

образѣ и подобіи. Какое мы можем имѣть представленіе о Божественной премудрости, благодѣи, святости, если не имѣемъ никакого понятія о человѣческомъ разумѣ, сердцѣ и волѣ? Нѣкоторое приблизительное объясненіе таинства св. Троицы сама св. Отцы и учителя Церкви заимствовали изъ отношеній различныхъ силъ единосущной души; отношеніе Бога къ міру много объясняется отношеніемъ духа человѣческаго къ тѣлу. Ученіе Богословія о *человѣкѣ* не можетъ найти такого легкаго приѣма и усвоенія у насъ безъ психологическаго о немъ ученія; ибо первобытное состояніе невинности человѣка намъ непонятно, пока мы не усмотримъ и теперь въ душѣ своей стремленія всѣхъ силъ ея ко взаимному согласію, къ надлежащей подчиненности низшихъ силъ высшимъ и къ освобожденію ея отъ чувственности.

Ученіе о *паденіи* тѣмъ глубже войдетъ въ нашъ разумъ и сердце, чѣмъ лучше мы познаемъ настоящее растроенное состояніе души. Дабы живѣе чувствовать всю спасительную силу *искупленія* и образовать представленіе какое нибудь о состояніи души по смерти и будущемъ прославленіи и отверженіи ея, надобно знать силы и способности, движущіяся въ душѣ и теперь, но жаждущія надлежащаго раскрытія высшей сродной имъ области бытія; знать отношенія души къ тѣлу и коренной законъ образованія характера души. И о духовномъ союзѣ Бога съ человѣкомъ въ христіанской религіи не возможно имѣть основательнаго понятія, не прилагая ученія св. Писанія къ ученію психологическому. Всѣ богословскіе трактаты о заповѣдяхъ евангельскихъ, о нравѣ церковномъ, о таинствахъ, о служеніи пастырскомъ, о возрастахъ духовныхъ и пр. и пр., прецрвождаютъ къ ученію психологіи о *человѣкѣ*.

б) Для исторіи церковной психологія служитъ не только истолковательницею разнообразныхъ явленій и событій Церкви, орудіемъ къ соединенію ея богатаго, по пространству и

времени разбросаннаго содержанія, въ одинъ стройный ходъ духовной жизни, — указателемъ законовъ, управляющихъ ходомъ сей жизни, и отчасти, какъ бы одушевляющимъ началомъ историческаго матеріала. Въ семь случаевъ составъ и устройство Церкви, ея обряды и Богослуженіе, истинное ученіе и ереси; раздѣленіе церквей и ихъ характеры, нравы и обычаи христіанъ, примѣры благочестія или нечестія, и пр., и пр., всѣ сіи явленія — какъ произошли они изъ существа души и отношенія ея къ Богу, такъ въ наукѣ же о душѣ отчасти и находятъ свое изъясненіе.

9) *Методъ психологій.*

Въ познаніи души психологъ слѣдуетъ другому методу, нежели какой причастствуетъ ему въ изложеніи познаній. Въ первомъ случаѣ онъ восходитъ отъ частнаго къ общему, отъ временнаго къ вѣчному, отъ самой души къ тому, что есть въ ней божественнаго, какъ то описано выше. На разныхъ степеняхъ сего восхожденія, имъ употребляется въ пособіе:

а) *Описаніе.* Такъ онъ описываетъ или силы или способности души по ея дѣйствіямъ, свойству, отношенію и пр.; подобно какъ натуралистъ описываетъ какое либо растеніе, по его признакамъ, свойствамъ и пр. Это пріемъ психологовъ — *эмпириковъ*, напр. *Кондильяка, Платнера, Д. Стюарда.*

б) *Анализъ.* Анализъ не останавливается на поверхности явленій, а ищетъ ихъ основанія, углубляется въ ихъ причины, изыскиваетъ начала и корни дѣйствій. Это психологія *критическаго направленія*, напр. *Канта, Якоби.*

в) *Телеологія.* Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что душу разсматриваютъ, какъ организмъ силъ слушающихъ и содѣйствующихъ одна другой и въ такомъ случаѣ для каковагонибудь, напр. умственнаго, отправленія или дѣйствія предполагаютъ въ душѣ соотвѣтственную ему силу и способность, или

изъ понятія силы производять ея дѣйствія, такъ какъ и натуралисты по органу животнаго судять о его отправленіи, или наоборотъ, изъ отправленія опредѣляютъ сущность органа. Такой методъ употребляютъ психологи *идеалисты*, напр. Фихте въ выводѣ способностей души изъ первоначально опредѣленной дѣятельности *а*.

г) *Параллелизмъ*, которымъ силы и дѣйствія души сводятъ въ соотвѣтствіе съ органами и отправленіями тѣла и на послѣднемъ, какъ видимомъ, слѣдятъ невидимый ходъ и свойства первыхъ. Такой методъ свойствененъ тѣмъ *философамъ натуралистамъ*, кои во всемъ хотять видѣть тождество идеальнаго и реальнаго, духовнаго и вещественнаго. Такова, напр. *Исторія души Шуберта*.

д) Наконецъ, *методъ абсолютный*. Держащіеся этого способа принимаютъ душу, въ чистѣйшей ея сущности, за идею, которая, будучи сама въ себѣ слитна, богатствомъ дѣйствій въ дѣйствительности, подъ формами П. и В., по законамъ вѣчной необходимости, раскрываетъ въ извѣстныхъ явленіяхъ свое существо. Это методъ психологовъ, послѣдователей *абсолютнаго идеализма* Гегеля, напр. Мишле, Розенкранца.

Всѣ эти методы имѣютъ каждый свою выгодную сторону, но исключительно, въ наукѣ о душѣ не можетъ быть употребленъ ни одинъ; каждый изъ нихъ можетъ быть полезенъ только въ своемъ мѣстѣ.

10) *Польза психологii.*

Польза психологii можетъ быть двоякая, теоретическая и практическая.

а) *Теоретическая польза* психологii состоитъ въ томъ, что она сообщаетъ человѣку познаніе объ немъ самомъ, служащее средоточіемъ всѣхъ прочихъ познаній. Человѣческая душа есть ближайшая сокровищница давнихъ даровъ, явленій

и тайнъ. Безъ ученаго изслѣдованія этихъ духовныхъ драгоценностей, съ однимъ только простымъ сознаниемъ ихъ въ себѣ, человекъ есть только стражъ ихъ, а не обладатель. Одна наука, а именно философская наука о душѣ, въ собственномъ смыслѣ открываетъ намъ самимъ, и отдаетъ намъ сокрытое въ насъ духовное богатство въ руки. Съ этимъ только самопознаниемъ человекъ приобретаетъ духовную самоуверенность и самостоятельность, уразумѣваетъ цѣну и назначеніе окружающихъ его вещей и воодушевляется предчувствіемъ и надеждою вѣчной и блаженной жизни въ Богѣ.

б) *Практическая польза* психологіи состоитъ въ томъ, что эта наука даетъ намъ свѣдѣнія побужденія исполнять свои обязанности къ Богу, ближнимъ и къ себѣ самимъ. Познавая, что прекрасный образъ души нашей есть только слабое мерцаніе высочайшей славы Божіей и что душа наша въ Богѣ имѣетъ конецъ всѣхъ стремленій, мы живѣйшимъ образомъ возбуждаемся любить Его, какъ безконечное добро, приближаться къ Нему подражаніемъ Его совершенствамъ, стремиться къ соединенію съ Нимъ. Находя тотъ же отблескъ естества Божескаго и въ ближнихъ нашихъ, мы эту любовь къ Богу переносимъ и на нихъ. Обыкновенно образъ Божій въ людяхъ сокрытъ бываетъ подъ нѣкоторыми дикими, такъ сказать, наростами, — психологія извлекаетъ его наружу и очищаетъ. И когда люди въ первый разъ встрѣчаются другъ съ другомъ, то по сходнымъ высокимъ чертамъ узнаютъ въ себѣ чадъ одного Отца небеснаго и объемяютъ себя взаимною, нѣжною и почтительною любовію. Наконецъ и каждый порознь, познавая свою высокую природу, научается уважать себя, возвышаться надъ всѣмъ низшимъ — чувственнымъ, устремлять свой духъ горѣ, болѣзновать о своемъ несовершенствѣ и нечистотѣ, дѣятельно очищать въ себѣ помраченный страстями образъ Божій и такимъ образомъ обрѣтать въ себѣ Бога.

11) Раздѣленіе психологіи.

Естество души 1) имѣетъ свой опредѣленный и на всю жизнь, даже на всю вѣчность, въ основныхъ чертахъ своихъ неизмѣнный, образъ проявленія, открывающійся въ известныхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ. Это ея личность или состояніе самосознанія. Описать этотъ образъ души человѣческой, отражающій въ себѣ образъ Божій, въ коренныхъ чертахъ его, есть предметъ первой части психологіи. Но 2) этотъ, коренной образъ души человѣческой нигдѣ не является во всей первообразной чистотѣ и цѣлости своей, а всегда облекается множествомъ частнѣйшихъ обличій или *видоизмѣненій*, и нигдѣ не пребываетъ въ одинаковомъ, неизмѣнномъ состояніи, а проходитъ различныя фазы или формы развитія. Эти частнѣйшія *видоизмѣненія* и *перемѣнчивыя состоянія* души суть ни что иное, какъ разложеніе единаго образа души на разные его части или моменты, взаимно другъ друга дополняющіе. Указать, какое видоизмѣненіе или состояніе души какую именно черту, или какой моментъ образа Божія въ себѣ представляетъ, и какъ всѣ они въ сочетаніи отражаютъ въ себѣ цѣлый составъ его есть задача второй части психологіи. Первую часть можно назвать *физиологіею* или *естествословіемъ души*, потому что она показываетъ, что есть душа сама въ себѣ, въ своемъ ествѣ; а вторую — *исторіею души*, ибо она показываетъ, *какою* душа *бываетъ*.

ПСИХОЛОГІЯ

часть первая.

О естествѣ души человѣческой.

Естествословіе души рассматриваетъ душу человѣческую или въ цѣломъ ея существѣ, или изслѣдуетъ порознь различныя ея силы и дѣйствія. Почему первая часть психологіи раздѣляется на два отдѣленія, изъ коихъ первое составляетъ *общее естествословіе души*, а второе—*частное естествословіе души*.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Общее естествословіе души ¹⁾

I. Мѣсто челоѵка въ ряду земныхъ существъ.

Видимый міръ представляетъ намъ неописанное ²⁾ разнообразіе существъ. Всмотриваясь ближе въ ходъ совершающихся

¹⁾ *Примѣч. Редакции.* Этотъ отдѣлъ психологіи, какъ самый основной, авторъ старался обработать наиболее тщательнымъ образомъ, и потому, во все время своего профессорства, неоднократно, почти—что въ каждый академическій курсъ, передѣлывалъ его почти заново, стараясь довести основную мысль его до вполне яснаго, отчетливаго и даже художественнаго выраженія. Основная мысль его или идея души человѣческой первоначально была заимствована имъ у Шурберта изъ его «Исторіи души», а потому въ первой редакціи его записокъ

въ немъ явленій и перемѣнъ, мы замѣчаемъ въ немъ двойное направленіе жизнедѣятельности. Одно спускающееся свыше внизъ, или извнутри во вѣднность и обнаруживающееся самодѣятельностію и движеніемъ; другое — восходящее снизу вверхъ или извнѣ вутрь и открывающееся подчиненіемъ и воспримчивостію. Обѣ сіи силы совмѣстно являются намъ: въ планетной системѣ — подъ видомъ тяготѣнія и свѣта; въ тѣлахъ — подъ видомъ силы сжимательной и распирительной; въ веществахъ — подъ видомъ сложенія и разложенія; въ силахъ природы — подъ видомъ притяженія и отторженія; въ организмахъ — подъ видомъ периферическаго и возвратнаго обращенія соковъ

по психологін (1837—39 г.) и развита была почти въ такой же формѣ, какъ и у Шуберта въ его сокращенной, для употребленія въ школахъ, психологін. Но, когда эта мысль о природѣ души человѣческой не встрѣтила ожидаемаго имъ сочувственнаго отношенія со стороны лицъ, внимательно и сочувственно слѣдившихъ за ходомъ и направленіемъ философской мысли въ Академіи, и этотъ не совсѣмъ сочувственный приѣмъ ея, какъ видно, довольно сильно подѣйствовалъ на его чувствительную и нѣжную душу, то въ слѣдующіе за тѣмъ академическіе курсы (1841—43 г.), онъ, не измѣняя впрочемъ несколько сущности этой основной идеи своей о душѣ, составлявшей одно изъ наиболѣе прочныхъ философскихъ убѣжденій его, старался сообщить ей такую форму развѣтвля, въ которой бы она и другимъ лицамъ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ, могла показаться въ болѣе благопріятномъ видѣ. Когда же, и въ этой новой формѣ изложенія, взглядъ его на природу человѣческую вообще и природу души человѣческой въ особенности все такъ продолжалъ возбуждать разнаго рода сомнѣнія и недоумѣнія, которыя такъ или иначе, болѣе или менѣе сильно отражались и на его собственной, въ высшей степени воспримчивой, мысли, то въ слѣдующіе академическіе курсы (отъ 45—до 1849 г.) онъ рѣшился болѣе или менѣе значительно видоизмѣнить самыя основныя черты его, оставаясь, впрочемъ, въ сущности на прежней же точкѣ зрѣнія. — Такимъ образомъ мы имѣемъ отъ него нѣсколько редакцій этого отдѣла психологін, отличающихся одна отъ другой не только формою изложенія, но отчасти и самымъ содержаніемъ. Мы печатаемъ здѣсь трактатъ его о природѣ души человѣческой въ той формѣ, какою была сообщена ему въ послѣднихъ, издаваемыхъ имъ студентамъ Академіи, запискахъ по психологін, относящихся по времени составленія ихъ къ 1845 и 1847 г. Эта редація его, по многимъ отношеніямъ, лучше и совершеннѣе прежнихъ его редакцій; но не мо-

или крови; въ душѣ—подъ видомъ чувствованія и движенія, — и обѣ взаимною борьбою поддерживаютъ во вселенной дѣятельность и жизнь. Преслѣдуя то и другое движеніе силъ по всей лѣстницѣ существъ, мы приходимъ мыслию къ единому средоточію всего бытія, отъ коего всякая жизнь и дѣятельность исходитъ, и къ коему опять все возвращается. Это средоточіе есть причина всѣхъ причинъ, цѣль всѣхъ цѣлей; слѣд. существо самосущее, причина міра и всесовершеннѣйшее добро, — Богъ.

Вникая далѣе въ существо и жизнь тварей, мы повсюду находимъ различное содержаніе двухъ выше показанныхъ силъ и свойствъ бытія. Чѣмъ менѣе тварь имѣетъ въ себѣ, тѣмъ болѣе пріемлетъ себѣ отвѣтъ, и наоборотъ, чѣмъ болѣе имѣетъ

жемъ не замѣтить, къ сожалѣнію, что и въ этой, сравнительно наилучше обработанной, формѣ, трактатъ его о природѣ души человѣческой, не смотря на всѣ старанія его сообщить ему законченную форму изложенія, остался послѣ него все таки не вполне обработаннымъ, не законченнымъ, какъ это видно и изъ болѣе или менѣе важныхъ поправокъ и передѣлокъ, сдѣланныхъ въ собственноручномъ экземплярѣ этого трактата, находящемся въ составленномъ имъ «Сборникѣ», вѣроятно, уже въ 1849 году, т. е. за годъ до его увольненія изъ Академіи. Внимательный читатель, и безъ нашихъ указаній, можетъ усмотрѣть въ немъ какъ эту незаконченность, такъ и разныя, оставшіяся на немъ неизглаженными совершенно, слѣды прежнихъ, разновременныхъ передѣлокъ его. Въ дополненіе къ нему мы могли бы, конечно, напечатать нѣсколько другихъ, оставшихся послѣ него, небольшихъ психологическихъ трактатовъ, относящихся къ одной категоріи съ предлагаемымъ здѣсь трактатомъ (изъ коихъ небольшой трактатъ «о союзѣ трехъ частей человѣческаго существа», находящійся въ «Сборникѣ», обработанъ съ особенною тщательностію); но такъ какъ эти трактаты составлены были имъ гораздо ранѣе предлагаемаго здѣсь трактата, въ то время, когда воззрѣнія его на природу человѣческую еще нисколько не уклонились отъ воззрѣній шубертовскихъ и мысль его еще вполне была проникнута и одушевлена нѣмкою вѣрою въ несомнѣнную истину этихъ воззрѣній; то мы ринаемъ, какъ бы этими дополнительными, но не совсѣмъ гармонирующими съ предлагаемымъ трактатомъ, статьями, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать возможно полному уясненію его взгляда, не прозвести въ читатель, незнакомомъ съ историческимъ развитіемъ мысли покойнаго профессора, сабшаваннаго впечатлѣнія.

въ себѣ собственныхъ силъ, тѣмъ менѣе пріемлетъ себѣ отвѣтъ. На семъ основывается относительное совершенство нашихъ земныхъ тварей. На землѣ мы находимъ 4 класса тварей или 4 степени бытія:

1) Бытіе, только что *пребывающее, вещественное и мертвое*; 2) бытіе *вещественное, пребывающее и живущее*; 3) бытіе *вещественное, пребывающее, живущее и одушевленное*; 4) бытіе *пребывающее, живущее, одушевленное и вмѣстѣ разумное*. Первое называется царствомъ *неорганическимъ*; второе—*органическимъ*; третье—*животнымъ*; четвертое—*целостическимъ* родомъ.

1) Царство неорганическое.

Подъ неорганическимъ царствомъ разумѣется самое тѣло нашей планеты съ окружающею его атмосферою, областію стихій и силъ.

Неорганическое тѣло на первый взглядъ отличается отъ органическаго тѣмъ, что послѣднее обнаруживаетъ въ себѣ непрерывное внутреннее движеніе и дѣятельность; между тѣмъ какъ первое само по себѣ пребываетъ въ состояніи бездѣйствія и покоя. Непрестанная дѣятельность и движеніе въ тѣлѣ органическомъ предполагаетъ въ немъ присутствіе нѣкаго особеннаго начала, которое, имѣя свою извѣстную задачу, воспринимаетъ отвѣтъ вещество не страдательво, а даетъ ему соотвѣтственное своей дѣли образованіе: сіе образованіе состоитъ въ томъ, что части организма имѣютъ между собою качественное различіе, по которому онѣ взаимнымъ дѣйствіемъ и служеніемъ одна другой поддерживаютъ внутреннюю дѣятельность и сохраняютъ форму недѣлимаго, почему и называются, по отношенію къ господствующему началу, его орудіями—*органа*. Въ неорганическомъ тѣлѣ нѣтъ сего господственнаго начала, и потому въ немъ господствуетъ самое вещество; а стихія веще-

ства не имѣютъ никакого другаго стремленія, какъ только войти во взаимное соединеніе, составить массу и въ этомъ состояніи пребывать; почему неорганическое существо не имѣетъ членораздѣльнаго образованія тѣла, части его однородны (какъ напр. части камня, или капли воды), т. е. въ немъ нѣтъ орудій, или органовъ. Органическое начало, исполнивши свою задачу въ недѣлимомъ, промышляетъ, чтобы таже задача продолжалась и послѣ него въ другомъ недѣлимомъ, которое оно на сей конецъ само производитъ, т. е. органическое существо имѣетъ цѣль въ родѣ. Напротивъ назначеніе неорганическаго тѣла—оставаться недѣлимымъ до тѣхъ поръ, пока позволяетъ ему это внѣшнія силы природы, и потому ему свойственна дѣятельность индивидуальной формы, а родотвореніе ему несвойственно.

Итакъ неорганическое бытіе является весьма недостаточнымъ въ сравненіи съ органическимъ. Но чѣмъ менѣе первое имѣетъ въ себѣ, тѣмъ болѣе принимаетъ отвѣтъ въ себя. Потому самому, что неорганическое бытіе не имѣетъ въ себѣ собственнаго начала образованія, оно становится предметомъ образованія для внѣшней зиждительной силы, которая свыше, отъ самаго Источника всякаго бытія и устройства, спускаться въ среду безжизненнаго вещества, и въ собственномъ образѣ сложенія его, называемаго кристаллизаціей, отпечатлѣваетъ формы высшей гармоніи, мысли Божественной премудрости. Міръ органической есть царство свободы, а неорганической—царство Божественнаго закона. Посему-то неорганическое царство большими вѣковыми и безобразными своими массами гораздо болѣе привлекаетъ къ себѣ нашъ духъ, нежели цвѣты радужною пестротой и благоуханіемъ, или животныя—игрою и силою своихъ движеній. Духъ человѣка чувствуетъ въ этихъ массахъ непосредственное присутствіе самой всеустроющей премудрости Божіей.

Тамъ самая безжизненность природы неорганической сообщаетъ ей и другое преимущество по отношенію къ живымъ и одушевленнымъ тварямъ. Потому самому, что она не имѣетъ жизни въ себѣ и все образованіе должна получать отъ силъ, сходящихъ свыше, она есть именно собирательное мѣсто, конденсоръ, или отражающее зеркало этихъ силъ, кои необходимы для жизни органическихъ и одушевленныхъ существъ. Будучи сама темна, земля отражаетъ падающіе на нее лучи солнца и даетъ свѣтъ; будучи сама холодна, она различнымъ ихъ проявленіямъ сообщаетъ теплоту; будучи сама тверда, она противодѣйствіемъ атмосферъ сообщаетъ теплоту и поддерживаетъ электричество.

Атмосфера принадлежитъ также къ неорганическому царству, но въ противоположность твердости и бездѣйственному пребыванію минеральнаго царства она представляетъ бытіе зыблущееся и неопредѣленное, непрестанное возстановленіе и разрушеніе; потому что она служитъ чредою сообщенія нашей планеты съ высшимъ міромъ, мѣстомъ встрѣчи нисходящаго движенія высшихъ образовательныхъ силъ и восходящаго движенія земнаго вещества. Къ этой же области отчасти принадлежатъ и непрестанно волнующаяся стихія водъ.

2) Царство органическое — растительное.

Растеніе тѣмъ сходствуетъ съ животнымъ, что оба имѣютъ членораздѣльно или органически образованное тѣло; одинаково и оба имѣютъ и одно образующее начало жизни. Но съ перваго взгляда тѣмъ отличаются между собою, что растеніе имѣетъ только внутреннее движеніе, а по вѣнности оно неподвижно, прирѣплено бываетъ корнемъ къ извѣстному пункту земли. Животное, напротивъ, отрѣшено отъ земли и имѣетъ способность перемѣнять мѣсто. Это различіе происходитъ отъ того, что въ растеніяхъ внутреннее начало образо-

вательной дѣятельности все занято работою тѣлеснаго образованія и въ ней раздѣляется и истощается, не сосредоточиваясь въ себѣ самомъ, почему и въ организмѣ растенія въ множествѣ органовъ пѣтъ центральнаго. Напротивъ, въ организмѣ животнаго внутреннее начало органическое не все занято работою тѣлообразованія, а въ половину отрѣшено отъ вещества для другаго рода отправленій, сосредоточено въ себѣ, почему тѣло животнаго имѣетъ особенный центральный органъ, имѣетъ мозгъ и нервную систему. Посему далѣе растеніе тѣлеснымъ своимъ естествомъ находится въ неразрывномъ единеніи съ природою, именно корнемъ соединено съ землею, листьями—съ воздухомъ, цвѣтомъ—съ солнцемъ, для непосредственнаго принятія въ себя влаги, углерода, свѣта и теплоты и какъ бы вмѣстѣ естествомъ своимъ погружено въ жизнь природы, въ силы и стихіямъ коей оно и приспособляетъ образованіе своихъ органовъ. Животное, напротивъ, предоставлено къ жизни самого себя, самостоятельно противостоитъ природѣ своимъ *чувствованіемъ* и располагаетъ своимъ тѣломъ *произвольнаго движенія*. Но эта самая недостаточность, это страдательное бытіе растенія предъ жизнью животнаго даетъ ему въ вознагражденіе особенное ему преимущество. Растеніе еще съ природою имѣетъ одну жизнь; спокойно, вѣрно и непосредственно воспринимаетъ оно материнское вліяніе ея животворныхъ силъ и потому мы чувствуемъ въ немъ присутствіе и дѣйствіе самой высшей всеизяждущей художницы—премудрости Божественной. Какъ, говорятъ, мысли, чувства и желанія матери отпечатлѣваются на утробномъ младенцѣ, такъ растенія въ образованіи своихъ вѣншихъ органовъ отражаютъ гармоническое устройство природы; въ перемѣнахъ суточныхъ, недѣльныхъ, мѣсячныхъ, годовыхъ отражаютъ періодическія ея состоянія; а въ соотвѣтствіи своихъ произведеній съ потребностями тварей—ея намѣренія. Сія же са-

мая чисто образовательная жизнедѣтельность растенія при глубокомъ его единеніи съ природою даетъ ему важное значеніе въ царствѣ видимаго земнаго бытія. Потому самому, что душа растенія не сосредоточивается въ себѣ самой для самочувствія и самодѣтельности, а всею существомъ своимъ предается образованію неорганическаго вещества, она вырабатываетъ матерію сродную органической природѣ прочихъ живыхъ тварей, и такимъ образомъ царство растеній въ цѣломъ объемѣ своемъ есть ни что иное, какъ система сосудовъ, въ которыхъ содержатся питательныя и цѣлебныя жидкости для высшихъ живущихъ существъ. Въ семъ отношеніи царство растеній соотвѣтствуетъ въ нашемъ тѣлѣ системѣ органовъ, назначенныхъ для питанія, дыханія и обращенія крови.

И сіи послѣдніе, подобно растеніямъ, лишены способности движенія и чувствованія, не знаютъ перемѣнъ сна и бодрствованія и непрерывно продолжаютъ свою слитую дѣятельность, и потому въ сравненіи съ орудіями чувствованія и движенія являюся постоянно спящими. Но какъ животное изъ состоянія сна почерпаетъ бодрственныя силы чувствованія и движенія, такъ все животное царство собственно изъ царства растеній получаетъ стихіи для своей жизни и дѣятельности.

3) Царство животное.

Животное, сказали мы, есть не что иное, какъ органическое существо, которое само имѣетъ способность доставлять себѣ средства физическаго существованія. Цѣлою половиною своего существа оно есть растеніе, также требуетъ свѣта, теплоты и воздуха, принимаетъ въ себя питательныя вещества, образуется и растетъ, здравствуетъ или страдаетъ болѣзнію, плодится и умираетъ; но оно возвышается надъ нѣмтою частію своего естества, которая завѣдываетъ средствами своей растительной жизни, чувствуетъ свои тѣлесныя нужды

и состоянія, познаеть предметъ тѣлесныхъ потребностей и достигаетъ ихъ, — именно душою животною. Посему, чѣмъ совершеннѣе животное, тѣмъ болѣе развиты въ немъ эти органы высшихъ его способностей и тѣмъ полнѣе они воспринимаютъ низшія орудія отправления растительныхъ: въ слѣдствіе чего органы сихъ послѣднихъ, находящіеся у растений наружи, по лѣстницѣ животнаго царства мало по малу углубляются внутрь; орудія дыханія — листья образуются въ легкія и всасывающіе сосуды корня преобразуются въ желудокъ. Чѣмъ совершеннѣе организація животнаго, тѣмъ богаче и утонченнѣе въ немъ ощущение собственной жизни и разнообразнѣе потребности и состоянія, тѣмъ обширнѣе и многосложнѣе кругъ его чувственного познанія, тѣмъ глбче или крѣпче, вообще искусственнѣе орудія къ приобрѣтенію нужныхъ ему предметовъ, и тѣмъ пространнѣе сфера его жизни. Однако какъ у всякаго животнаго *свои*, односторонняя организація, то во всякомъ изъ нихъ жизнь даетъ себя ощущать его внутреннему чувству только съ одной чувственной стороны, для всякаго существуетъ *свой* опредѣленный кругъ предметовъ познанія, всякому опредѣляется сфера движенія и жизни областію вещей, для *него* собственно нужныхъ; все въ цѣлости царство животныхъ обнимаетъ всю область видимой природы, выражаетъ всѣ ощущенія жизни, представляетъ всѣ возможные роды и образы движенія, но каждое животное по роду подчинено извѣстной ей части и въ познанія, и ощущенія и пожеланіяхъ. Слѣдовательно за предѣлы своихъ частныхъ тѣлесныхъ потребностей животное не расширяетъ своихъ стремленій; всеобщее, сверхъчувственное, вѣчное для него *собственно* не существуетъ. Оно пользуется свѣтомъ для снисканія сродной *ему* пищи, или мѣста отдохновенія, не спрашивая о томъ, что есть *самъ въ себѣ свѣтъ* и освѣщенный предметъ; ощущаетъ потребности и перемѣны своей жизни, не разсуждая о томъ, что есть оно живущее и

что есть его жизнь; обращается въ отведенный ему удѣлъ природы, не помышляя о томъ, что есть природа и какъ она произошла: только одно всеобщее животное, именно человѣкъ, отрѣшается мыслями отъ всякаго частнаго предмета, чувствами — отъ всякаго личнаго состоянія своей жизни, желаніями — отъ всякой опредѣленной нужды и пользы. Для сего онъ имѣетъ и особенную силу, его возвышающую надъ всѣмъ земнымъ, — это есть *духъ*, который даетъ ему самосознаніе, чувство безконечнаго и свободу.

Итакъ въ сравненіи съ человѣкомъ животное является существомъ недостаточнымъ, низкимъ, пестоящимъ уваженія. Но эта самая недостаточность его существа вознаграждается въ немъ и своимъ преимуществомъ. Всякое животное занято потребностями только индивидуальнаго существа; кто же будетъ соглашать разнородныя стремленія животныхъ всѣхъ въ гармоніи дѣлаго? Кто будетъ направлять жизнь ихъ соотвѣтственно общимъ дѣламъ природы? Кто поставитъ ихъ въ должное, подчиненное отношеніе къ человѣку? Все, что выходитъ за предѣлы эгоистическихъ соображеній животнаго, то совершаетъ въ немъ сама всеустраивающая премудрость Божія таинственными впечатлѣніями на него, которыя мы называемъ *инстинктомъ*. Для всякаго животнаго — свой инстинктъ, и всѣ животныя суть проводники многоразличныя свыше сходящихъ впечатлѣній Божественнаго всеуправляющаго Духа, органы Его естественнаго откровенія. Сія то отголоски Божественной премудрости обоготворяли древніе языческіе народы, потерывшіе Бога въ животныхъ.

Но кругъ частной жизни каждаго животнаго непосредственно обнимается дѣльнымъ царствомъ природы, инстинктъ уже вызываетъ его чувства въ эту область. Быть не можетъ, чтобы въ животномъ, въ минуты покоя, не возникали какія нибудь, хотя темныя, представленія и о природѣ вообще, не

возбуждались какія нибудь неопредѣленныя желанія, простирающіяся далѣе тѣлесныхъ нуждъ, не рождалось какое нибудь чаяніе сверхъчувственнаго, духовнаго бытія. По крайней мѣрѣ опытъ даетъ намъ видѣть въ животныхъ дѣйствія, не изъяснимыя изъ однихъ тѣлесныхъ нуждъ и стремленій: таково влеченіе ихъ къ бесполезной, по видимому, для нихъ области движенія, которой обладатель собственно есть человекъ. Такъ, робкіе олени подрадываются и прислушиваются въ пѣсни востуха; морскія чудовища выплываютъ изъ водъ и приближаются къ берегу, когда общество охотниковъ на берегу веселится при огнѣ; птицы слетаются смотрѣть на человека, когда онъ приходитъ на необитаемый островъ; и самыя сильныя и лютыя животныя или боятся человека, или покоряются ему въ служеніе и спокойно претерпѣваютъ отъ него наказаніе. Они чтутъ въ немъ образъ Божій и поклоняются Творцу въ Его подобіи; слѣдовательно, хотя не знаютъ Бога, по крайней мѣрѣ имѣютъ нѣкоторое темное гаданіе о Немъ.

4) Человекъ.

Аристотель говорилъ: *πάντα ἐκείνα (θεῶν) ἐπιθυμεῖται* — вса тварь стремится къ Богу; но ни одна изъ земныхъ тварей не достигаетъ конца своихъ стремленій. Такъ вещества земныя ищутъ соединенія съ кислородомъ, но онъ есть только отдаленное эхо творческаго слова, отпечатлѣвающей его мысли на каменныхъ скрижаляхъ земли. Растенія стремятся къ солнцу, но солнце есть только собирательный пунктъ лучей высшаго свѣта, составляющаго ризу Божію. Животныя изъясляютъ страхъ или преданность къ человеку, но человекъ есть только образъ и подобіе Божества.

Въ отвѣтъ восходящему влеченію земнаго бытія неперестанно выходитъ зяждущая и животворящая любовь Творца къ тварямъ; но нѣтъ между ними ни одной способной пони-

мать ея вѣщанія. Такъ земнымъ веществамъ Творецъ передаетъ свое слово любви и премудрости для исполненія, но они столько разумѣютъ его, сколько—чернила и бумага мысли вдохновеннаго мудреца и поэта. Какъ мать объемлетъ, и питаетъ, и согрѣваетъ свою любовію утробнаго младенца; такъ вѣчная любовь и премудрость объемлетъ, питаетъ и сохраняетъ жизнь растенія; но сомкнутое око того или другаго не видитъ матери; своими непосредственными внушеніями, подъ видомъ инстинкта, руководить она бессмысленно-младенческими движеніями и дѣйствіями животныхъ, и они чувствуютъ и выполняютъ сіи внушенія, но не знаютъ, откуда приходитъ гласъ сей и куда идти.

Однако есть на землѣ, только не земнородное, существо, въ которомъ восходящее влеченіе твари и нисходящая любовь Творца встрѣчаются между собою: это—человѣкъ, истинный гражданинъ двухъ міровъ, союзъ Творца съ тварію, храмъ Божества, и потому—вѣнецъ творенія.

То, чѣмъ человѣкъ собственно возвышается надъ животными, есть *духъ*; земныя склонности и способности души его раздѣляютъ съ нимъ животныя; растительныя отправления—растеніе; а тѣло его взято отъ земной перстл. Собственное существо духа есть непосредственное стремленіе къ Богу. Разумъ стремится познавать Бога, сердце ищетъ исполняться ощущеніемъ Его въ себѣ, воля хочетъ болѣе и болѣе достигать Его. Но Богъ необъятенъ, неосязаемъ и недостижимъ въ существѣ своемъ. Посему нуженъ посредствующій членъ для достиженія Его познаніемъ, ощущеніемъ и дѣятельностію. Это есть міръ, какъ отервеніе совершенствъ Божіихъ. Познаніе существа Божія изъ міра составляетъ *истину*; отраженіе совершенствъ Его въ мірѣ есть *красота*; осуществленіе цѣлей Его въ мірѣ есть *добро*. Духъ въ существѣ своемъ заключаетъ способность—познавать истину, услаждаться красотою, дѣлать

добро; но онъ не есть самосушая истина, самосушая красота и самосушее добро. Посему, дабы онъ могъ познавать Бога изъ міра, какъ истину, любить Его, какъ красоту, достигать Его, какъ добро,—потребно нѣкоторое списшествіе Творца къ духу въ отвѣтъ его восходящему влеченію, дабы онъ могъ не только искать Бога, но и находить Его. Это—непосредственныя внушенія истины, красоты и добра, которыя Богъ, какъ вседѣствующій Духъ, сообщаетъ духу человѣческому въ глубинѣ его, по мѣрѣ своей благодати и заслугъ человѣка. Отъ сихъ тайныхъ впечатлѣній возгораются въ духѣ идеи и даютъ ему силу познавать Бога, любить Его и достигать Его чрезъ твореніе. Такимъ образомъ восходящее влеченіе твари и нисходящая любовь Творца въ духѣ человѣка встрѣчаются между собою.

Подъ владычествомъ духа и къ землѣ обращенныя способности и склонности души, общія у насъ съ животными, получаютъ высшее направленіе и духовную цѣль, и такимъ образомъ преобразуются и облагороживаются. Самочувствіе, обращается въ самопознаніе, память—въ воспоминаніе, воображеніе—въ фантазію; стремленіе къ приобрѣтенію пищи и жилища—въ наклонность къ собственности; кровное влеченіе къ своему роду—въ симпатію къ подобнымъ себѣ; слѣпое тщеславіе и гордость—въ чувство чести; чувственный произволь—въ разумный выборъ; языкъ чувства—въ символическій языкъ разума и свобода движенія—въ свободу общезитія.

Въ слѣдъ за тѣмъ и растительныя отправления принимаютъ направленіе господствующаго стремленія къ Богу. Начало жизни образуетъ организмъ, обращенный не къ землѣ, а къ небу, и всѣ тѣлесныя органы получаютъ другой видъ, образованіе, соразимѣрность, качества и способности.

Такимъ образомъ человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ представляетъ тварь, стремящуюся къ небу, и различіе ея отъ

животнаго простирается по всѣмъ частямъ и силамъ его. Но и взаимно и божественнымъ впечатлѣніямъ истины, красоты и добра не предназначено оставаться только въ духѣ, а чрезъ него переходить въ силы души, и чрезъ нихъ—въ глубины тѣла. Назначеніе души есть болѣе и болѣе одухотворяться подъ вліяніемъ духа: чѣмъ больше она предается его существенному стремленію, тѣмъ болѣе освобождается отъ сродныхъ ей полусознательныхъ, безотчетныхъ побужденій и произвольныхъ дѣйствій. А душа, простарая потомъ свое вліяніе въ среду естественныхъ отравленій, умѣряетъ и уравновѣшиваетъ ходъ, укрѣпляетъ силы и органы, утверждаетъ здравіе, предотвращаетъ болѣзни и смерть. Такимъ образомъ человѣкъ становится способнымъ органомъ къ откровенію Божественныхъ совершенствъ.

Итакъ человѣкъ есть живой союзъ твари съ Творцемъ, среди восходящаго влеченія твари къ Творцу и нисходящей любви Творца къ тварямъ. Въ немъ и тварь достигла конца своихъ стремленій и Богъ достигнулъ цѣль своего творчества. Посему, сотворивши его, Богъ почилъ отъ дѣлъ своихъ.

II. Составъ человека.

Человѣкъ совмѣщаетъ въ себѣ многоразличныя природы; чтобы опредѣлить, что въ немъ составляетъ собственность его, для сего надобно отдѣлить отъ него бытія, привходящія къ нему, кои, хотя необходимо съ нимъ соединены, но не принадлежатъ къ его существу. Руководителемъ въ этомъ, конечно, должно служить его собственное сознаніе.

Своимъ собственнымъ сознаніемъ мы различаемъ въ составѣ своемъ.

1) *Вещественный нашъ составъ.* Вещество нашего тѣла неразлучно соединено съ нашимъ я; однако явно оно не со-

ставляетъ его; ибо постоянно приходитъ къ нему и снова отдѣляется отъ него, нисколько не прибавляя его и не убавляя его. Ибо вещество есть бытіе чуждое намъ въ насъ самихъ; почему мы и наблюдаемъ его больше внѣшнимъ, тѣлеснымъ образомъ. Оно ниже нашего я; ибо должно быть орудіемъ его бытія и дѣятельности въ чувственномъ мірѣ.

2) Самое наше я, внутреннее начало нашей жизни и дѣятельности, подлежащее нашимъ чувствамъ, пожеланіямъ, мыслямъ, которое потому и сопровождаетъ все сіи внутреннія перемѣны и усваиваетъ ихъ себѣ. Сіе существо, среди всѣхъ перемѣнъ въ его бытіи, неизмѣнно; при всемъ различіи своихъ отправленій (по отношенію къ жизни тѣлесной, животной и разумной) очевидно и просто; среди постоянного сношенія съ бытіемъ внѣшнимъ отъ него независимо и самостоятельно. Поэтому оно само себѣ служитъ предметомъ вѣдѣнія, т. е. познается внутреннимъ, духовнымъ чувствомъ. Это наше я есть то, что мы называемъ въ соединеніи съ тѣломъ душою, а въ чистой и собственной его природѣ—духомъ.

3) Въ самой глубинѣ нашей души, въ чувствахъ истинны; красоты и добра, мы ощущаемъ нѣкоторое двойство; различаемъ нѣкоторое отвѣтъ звушеніе и пріемлющій органъ. Пріемлющимъ органомъ само наше я сознаетъ себя, но звушенія оно пріемлетъ, какъ привходящія отвѣты. Такое звушеніе въ нашемъ разумѣ—о бытіи безначальной причины міра, въ сердцахъ—о бытіи верховнаго блага, въ воляхъ—о бытіи высочайшаго законодателя. По самому свойству своему они ни откуда не могутъ происходить, какъ отъ самаго безконечнаго существа и должны быть собственнымъ Его, какъ вездѣ-присущаго духа, голосомъ о Себѣ въ нашемъ духѣ; ибо мы исполняемъ въ отношеніи къ Нему свидѣтельствующему о своемъ бытіи, невольнымъ благоговѣніемъ, страхомъ, покорностію, охотно или неохотно предаемъ себя въ орудіе Его власти. Мы ощущаемъ Его ду-

ховнымъ, смѣшаннымъ, — частію внутреннимъ, частію вѣшнимъ чувствомъ.

Итакъ собственное наше я, наша душа составляетъ посредствующій членъ между бытіемъ низшей природы и бытіемъ Божественнымъ. Чтобы видѣть существо нашего я, надобно отличить его отъ низшей природы и показать отношеніе обоихъ къ Божественному.

Духовное и тѣлесное бытіе различаются между собою слѣдующими чертами:

1) *Формою существованія*. Бытіе вещественное существуетъ въ *пространствѣ*, т. е. стороны и силы, составляющія его содержаніе, существуютъ уже всѣ въ одно и то же время *дѣйствительно*, пребывая одна внѣ другой подъ видомъ отдѣльныхъ частей, изъ коихъ каждая снова состоитъ изъ своихъ частей — въ безконечность. Поэтому сему бытію свойственны *вѣщность, реальность, непроницаемость, опредѣленная протяженность*. Бытіе духовное существуетъ подъ формою времени, т. е. составныя стороны и силы, содержащіяся въ немъ, не существуютъ въ одно и то же время *дѣйствительно* одна внѣ другой и пребываютъ въ немъ въ состояніи *возможности*, въ *дѣйствительное же бытіе* переходятъ въ одномъ и томъ же пространствѣ одна послѣ другой, последовательно во времени. Въ слѣдствіе сего ему принадлежатъ *внутренность, идеальность, неосвязаемость, развитіе въ определенномъ времени*.

2) *Своимъ существомъ*. Бытіе вещественное сложно, т. е. составныя части и силы его существуютъ каждая отдѣльно, сама по себѣ, одна къ другой безразличны, такъ что взаимное ихъ отношеніе остается скрытнымъ и дознается только разумѣніемъ: единство существа здѣсь теряется во множествѣ частей. *Бытіе духовное просто*, т. е. составныя его части и силы существуютъ не отдѣльно сами по себѣ, а содержатся,

какъ возможны, въ своемъ основаніи, которое можетъ одно за другимъ раскрывать ихъ изъ себя. Здѣсь множественность частей теряется въ единствѣ существа.

3) *Достоинствомъ своимъ.* Бытіе вещественное и безсознательно и неразумно. Т. е. оно не обнимаетъ множественности своего содержанія единствомъ своего существа, а напротивъ существомъ своимъ теряется въ частяхъ, потому существуетъ *не въ себѣ самомъ и не для себя, а внѣ себя и для другаго*, есть предметъ для сознанія, а не сознающій себя разумъ. *Бытіе духовное сознательно и разумно.* Т. е. всю многосложность своихъ силъ и частей оно заключаетъ въ простотѣ своего существа, потому пребываетъ *въ себѣ и для себя*, сознаетъ себя и свое отношеніе къ другому, что и называется разумностію.

4) *Длительностію своею.* Вещественное бытіе само по себѣ *бездѣйственно, къ дѣятельности только возбуждается внѣшними причинами* (механическими или динамическими) *и повинуется имъ слѣпо и необходимо.* Т. е. оно само по себѣ есть дѣйствительно то, чѣмъ ему быть надлежитъ, а потому оно безразлично ко всякому другому образу бытія своего. Напротивъ *бытіе духовное по существу своему есть дѣлательное, только для существаго рода дѣятельности требуетъ извѣстныхъ побужденій отанъ,* но *воспріимлетъ и исполняетъ ихъ съ сознаніемъ и свободою.* Т. е. оно по существу своему не есть что либо дѣйствительное, а только можетъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, и потому въ себѣ самомъ носить непрестанное побужденіе къ тому, чтобы свои силы и качества переводить изъ состоянія возможности въ дѣйствительность, или развивать себя.

Впрочемъ эту противоположность между бытіемъ вещественнымъ и духовнымъ не должно принимать въ абсолютномъ смыслѣ, иначе между ними невозможно было бы никакое обще-

ніе. Почему должны быть, и нѣкоторыя черты сходства между тѣмъ и другимъ. Именно:

1) Хотя бытіе вещественное, какъ вполне осуществленное, пребываетъ въ пространствѣ вдругъ всѣми своими частями и силами и *не развивается во времени*; однако нельзя сказать, чтобы внутри не содержалось уже ничего, что бы требовало еще проявленія; внутри его остаются еще силы, кои открываютъ себя во времени. Наоборотъ, хотя духъ, какъ бытіе только еще предназначенное къ развитію, существуетъ подъ формою времени, однако нельзя сказать, чтобы онъ былъ только чистою возможностью и не былъ бы чѣмъ либо дѣйствительнымъ: онъ долженъ принадлежать къ дѣйствительному міру, а потому имѣть себѣ опредѣленный пунктъ и сферу самооткровенія, каковую либо существенную опору и органъ въ пространствѣ.

2) Бытіе вещественное сложно, раздроблено, дѣлимо и не имѣетъ единства и простоты: однако нельзя сказать, чтобы части его не имѣли, хотя скрытнаго, между собою союза и потому не составляли хотя отвлеченнаго единства существа. Наоборотъ, хотя духъ простъ, единиченъ и не состоитъ изъ частей, однако самымъ отношеніемъ своимъ къ вещественному органу онъ различается на опредѣленные стороны и силы, кои по нему пребываютъ одна вѣдъ другой. Такъ разумъ человѣчскій преимущественно пребываетъ въ головѣ, сердце—въ крови, воля въ мышцахъ.

3) Бытіе вещественное не сосредоточено въ себѣ, потому безсознательно и неразумно; однако же въ немъ заключено по крайней мѣрѣ стремленіе сосредоточиться и придти въ себя. Такъ напр. и въ мірѣ звѣздъ или уже есть, или идутся центры свои; солнечная система имѣетъ свой центръ въ солнцѣ; земля и всякое тѣло ея имѣетъ свой центръ тяжести. Напротивъ, хотя духъ сосредоточенъ въ себѣ и сознателенъ, од-

нако и въ немъ силы и способности его не совсѣмъ подчинены господствующему центру,—основа его бытія и дѣятельности недоступны его сознанию, и многія тайныя и тонкія нити связываютъ и сообщаютъ его съ вѣшнимъ міромъ мимо его сознанія.

4) Тѣло само по себѣ бессознательно, страдательно покоряется вѣшнымъ побужденіямъ; однако и само имѣетъ свою силу бытія и дѣятельности, почему никакого вѣшного дѣйствія на него не принимаетъ чисто страдательнымъ образомъ, а всегда воздѣйствуетъ на него, и даже имѣетъ въ себѣ начало собственной дѣятельности и движенія, напр. магнитъ притягиваетъ, камень растетъ. Съ другой стороны и духъ не всегда и не совершенно дѣятеленъ, а по временамъ ослабѣваетъ въ напряженіи и склоняется къ покою,—и дѣятельность его не есть чисто самостоятельная: для пробужденія она требуетъ вѣшнихъ впечатлѣній и побужденій, въ раскрытіи опредѣляется законами его природы и въ концѣ своемъ подчиняется порядку вещей, опредѣляемому Промысломъ.

Итакъ и вещественное бытіе не вовсе чуждо качествъ духовнаго бытія, и духовное не вовсе чуждо качествъ вещественнаго. И вещество не есть чисто вещество, и духъ ограниченный не есть чистый духъ.

Существо безконечное только то общаго съ міромъ вещественнымъ имѣетъ, что и тому и другому принадлежитъ бытіе (*esse*), но оба совершенно отличаются между собою *образомъ бытія*. Въ мірѣ *сила бытія*, раздѣляясь на безконечное пространство въ немъ, раздробляется, принимаетъ безконечное множество ограниченій и въ нихъ исчезаетъ. Напротивъ, Богъ имѣетъ бытіе вседѣйствительное, но внѣ всякаго пространства. Онъ заключаетъ въ себѣ полноту бытія въ совершенномъ единствѣ, а потому есть всесовершенно дѣйствительное, всесильное, всесущественное существо.

Съ духомъ ограниченнымъ Богъ имѣеть не только общимъ бытіе, но и образъ бытія, — и Богъ есть также, какъ и человекъ, по существу духъ, т. е. существо простое, разумное, свободное. Но Онъ отличается отъ всякаго ограниченаго духа совершенствомъ духовнаго бытія. Духъ ограниченный заключаетъ совершенства только въ возможности и требуетъ раскрытія, чтобы обратить ихъ въ дѣйствительныя совершенства, и притомъ онъ имѣеть опредѣленную мѣру сихъ возможностей, такъ что и по раскрытіи ихъ остается ограничено совершеннымъ. Напротивъ, Духъ безконечный отъ вѣчности и въ совершенѣйшей дѣйствительности заключаетъ въ себѣ всевозможныя совершенства. Т. е. Онъ есть духъ всесовершенный для всякаго времени. Посему возвышеніе бытія вещественнаго состоитъ въ постоянномъ приближеніи къ духу человѣческому, которое и является въ дѣйствицѣ вещественныхъ тварей — *земль, растеніи, животномъ* ¹⁾ и *человѣкъ*. Стремленіе же духа человѣческаго есть — приближаться, сколько возможно, къ совершенству Духа безконечнаго, и степени сего приближенія суть различныя эпохи исторіи: *жизнь патриархальная, подзаконная, христіанская и блаженная* ²⁾.

Степени духовнаго бытія.

Духовное бытіе въ дѣйствицѣ тварей является по различнымъ степенямъ совершенства: на *высшей степени* оно имѣеть свой собственный образъ разумнаго духа, но еще прежде прообразованіемъ его служитъ *животная душа*; сія имѣеть себѣ прообразованіе въ *растительномъ началѣ жизни*; а сіе

¹⁾ Животное имѣеть аналогонъ чезовѣческихъ способностей.

²⁾ Назначеніе и цѣль человѣческаго усовершенствованія есть: *будите совершенны, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть*. Матв. V, 48 свес. XI, 44 и 1 Петр. I, 16.

послѣднее прообразуется еще ниже *неорганическими силами земли*. Какъ вообще всякая высшая степень бытія не исключаетъ, а воспринимаетъ въ себя, непосредственно ей предъидущую низшую; такъ *духъ* человѣческой заключаетъ въ себѣ и *душу животную*, такъ какъ *сія—растительное начало жизни*, а *сіе — неорганическія силы земли*. А потому надобно рассмотреть ихъ всѣ порознь, дабы потомъ точнѣе уразумѣть существо души человѣческой.

в) *Силы неорганической природы.*

Если бы вещества земныя не имѣли въ себѣ ничего духовнаго, то они никогда бы не могли войти въ отношеніе съ духомъ человѣческимъ и быть опоркою его бытія и орудіемъ дѣятельности. Сущность вещества составляютъ не какіе либо матеріальные атомы, а силы; онѣ даютъ ему и постоянство пребыванія, и энергію дѣятельности. Посему всякое вещество имѣетъ свой *духъ*, и справедливо древніе матерію почитали одушевленною, а новѣйшая врачебная химія (гомеопатія) чрезъ далекое раздробленіе веществъ дошла даже до раздѣленія души и тѣла въ нихъ.

Но духъ вещества составляетъ прямую противоположность съ духомъ человѣка. Въ человѣкѣ духъ есть цѣль, матерія—средство; въ вещахъ духъ есть средство, матерія—цѣль. Назначеніе духа есть болѣе и болѣе уподоблять матерію себѣ, преобразуя ее, сколько возможно, въ способнѣйшій органъ своего самоотверженія; назначеніе духа въ вещахъ есть служить образованію матеріи и уподобляться ей. Духъ человѣка самъ по себѣ поставляетъ цѣли дѣятельности,—духъ вещей есть чистое орудіе къ исполненію мыслей Творца. Духъ человѣка стремится къ дѣятельности, духъ вещества—къ покою.

Посему, въ противоположность духу разумному, духу вещественному принадлежать *плотскость, сложность, безсознательность, бездѣйствіе*, словомъ: это есть самое низшее состояніе бытія духовнаго, гдѣ оно совершенно подчинено веществу и въ немъ скрывается.

Не смотря на сію противоположность съ духомъ разумнымъ, духъ неорганическаго вещества сходствуетъ съ нимъ въ главныхъ направленіяхъ дѣятельности. Именно: всякое вещество, подобно какъ и существо, имѣетъ двѣ стороны бытія:—связь съ другимъ веществомъ, воспримчивость и самостоятельность дѣятельности. Первая въ веществѣ выражается силою *соединенія*, или *сродства*; вторая—силою *отталкиванія* и *обособленія*. Та и другая опять можетъ имѣть двойное отношеніе: или свойственно къ своей родной планетѣ, въ составъ которой вещество входитъ должно,—или къ солнцу, которое даетъ планетѣ жизнь и образованіе. Первое отношеніе обнаруживается тяготѣніемъ веществъ къ землѣ, второе—возбужденіемъ свѣта и теплоты въ нихъ. Въ духѣ челоѣческомъ воспримчивость является чувствованіемъ и познаніемъ, самостоятельность—движеніемъ и волею.

Отъ взаимнаго боренія сихъ 4-хъ силъ въ соединеніи ихъ между собою происходятъ 4 главные процесса: магнитный, химическій, электрический, свѣтовой и 4 ихъ произведенія: земля, вода, воздухъ и огонь; 4 главныхъ полюса—сѣверъ, западъ, востокъ, югъ, какъ періоды преемственнаго ихъ преобладанія одной надъ другою; и въ самой землѣ—4 рода ископаемыхъ: металлы, камни, соли и горькія вещества.

2) *Начало жизни въ растеніяхъ.*

Жизнь приписываемъ мы такому произведенію природы, которое 1) представляетъ въ себѣ множество различныхъ, одно-

за другимъ совершающихся, явленій или перемѣнъ; но 2) среди этихъ перемѣнъ остается себѣ равнымъ, какъ бы постоянно восстанавливаетъ себя; слѣд. 3) сама сіи перемѣны употребляетъ средствомъ для выполненія заключающейся внутри какой-то цѣли. Отсюда три есть существенныхъ признака жизни: 1) *непрерывная дѣятельность*; 2) *самостоятельное ея основаніе* и 3) *правильный ходъ, ритмъ, или периодическая измѣняемость оной дѣятельности*.

Спрашивается, какаѣ есть причина или основаніе сихъ разнообразныхъ явленій, называемыхъ нами жизнью?

Причина эта *есть*, ибо а) всякое дѣйствіе предполагаетъ причину, а слѣдовательно и явленія жизни—причины жизни. Назовемъ ее *силою жизни*. б) Хотя она обнаруживаетъ себя только въ матеріи и посредствомъ орудій тѣлесныхъ, однако она не *есть* ни дѣйствіе *матеріи*, ни дѣйствіе *органовъ*. Не *есть* дѣйствіе *органовъ* потому, что первоначальное образованіе органовъ изъ зародыша и ихъ постоянное воспроизведеніе въ теченіе жизни само предполагаетъ силу образующую и воспроизводящую. Не *есть* и дѣйствіе *матеріи*, потому что матерія не страдательно, а самостоятельно усваивается причиною, перерабатывается и постоянно смѣняется другою матеріею; слѣд. сама слушаетъ только орудіемъ, а не субстанціею.

в) Если она не *есть* вещество, т. е. бытіе, открывающееся въ пространствѣ, то она *есть* какое нибудь начало духовное, т. е. бытіе, раскрывающееся во времени. Если она не основывается ни на какомъ органѣ, напр. какъ на мозгѣ, или на сердцѣ, или на кровеносныхъ сосудахъ, т. е. вообще—ни на какой отдѣльной вещи: то она *есть* нѣчто всеобщее, что всѣ сіи особенности обнимаетъ и соединяетъ въ простотѣ естества своего и развиваетъ изъ себя, какъ части свои. Но такое невещественное цѣлое съ его частями знаемъ мы только одно:

мысль или понятие, какъ совокупность представлений. Слѣд. жизнь есть мысль, раскрывающая себя въ нѣдрахъ и посредствомъ вещества.

Чѣмъ же отличается она отъ разумаго духа человѣческаго и какъ относится къ бытію вещественному, неразумному? Именно она составляетъ между ними средину, представляетъ развитіе духа и вещества.

1) Духъ есть бытіе чисто *внутреннее*. Напротивъ вещество есть бытіе чисто *внѣшнее*. А сила жизненная есть бытіе сколько *внутреннее*, столько *внѣшнее*. Она въ каждой точкѣ организма являетъ свое присутствіе и свою дѣятельность и нигдѣ не являетъ своего существа.

2) Духъ есть бытіе *единичное*, или *простое*; напротивъ вещество есть бытіе *раздробленное* на части, *множественное*. *Сила жизни* въ равной мѣрѣ соединяетъ въ себѣ *единство духа* и *множественность вещества*. Она изливается и множествомъ отправленій, совершающихся одно внѣ другаго въ пространствахъ, но вмѣстѣ обнимаетъ ихъ внутреннимъ союзомъ и единствомъ; такъ что все кажется только пространственнымъ разложениемъ одной мысли на составныя ея части.

3) Духъ дѣйствуетъ по представленіямъ цѣлей, къ которымъ предпринимаемое дѣйствіе служить средствомъ. Последнее, хотя по времени предшествуетъ цѣли, но въ самой вещи имѣетъ свое основаніе въ ней, какъ первой причинѣ. Посему въ разумѣ всегда носится идея будущаго. Напротивъ вещество вовсе не стремится ни къ какой цѣли и всегда есть средство. Хотя вещественныя произведенія и служатъ всегда къ чему нибудь, но случайно, а не сами по себѣ. *Сила жизни* опять соединяетъ въ себѣ сіи противоположности. Все, что она про-

изводить, производить съ цѣлю, для чего либо будущаго: но самаго представленія цѣли и какого либо сознанія въ себѣ ее заключающаго она не имѣетъ, она дѣйствуетъ слѣпо и вслѣдствіе разумно.

4) *Духъ* есть всегда причина, а не дѣйствіе. Вещество есть всегда орудіе причины дѣйствующей, или дѣйствіе, а не причина своихъ перемѣнъ. *Жизненная сила* есть сколько самостоятельная причина, столько страдательное дѣйствіе. Такъ она сама есть причина всѣхъ жизненныхъ отправленияхъ организма и взаимно сохраняется ихъ согласнымъ ходомъ и въ частности каждое отправление есть условіе для всѣхъ прочихъ; но и само опять возможно только подъ условіемъ ихъ, такъ что цѣль смыкается сама въ себѣ.

Итакъ сила жизни есть духовное бытіе на такой степени, гдѣ она выходитъ изъ служенія веществу, вступаетъ въ равновѣсіе и борьбу съ нимъ и подчиняется его цѣлямъ, гдѣ, приготовивши напередъ матеріалы, теперь начинаетъ художественную работу преобразования его и осуществляетъ чрезъ него свои собственные цѣли, хотя еще слѣпо и матеріально. Въ чистомъ видѣ существо жизненнаго начала является намъ въ растеніяхъ. Въ немъ повторяются тѣже 4 планетные процесса: магнитный, химическій, электрическій и свѣтовой, въ 4 главныхъ частяхъ его: корнѣ, стволѣ, листьяхъ и цвѣтѣ, коими органами служатъ: клѣтчатая плева, межклетчатые сосуды, спиральные сосуды и органы оплодотворенія. Растеніе посему не иное что есть, какъ совокупная въ себѣ цѣлость планетной жизни, и рощеніе растеній вверхъ и стремленіе къ свѣту есть тоже, что тяготѣніе земли къ солнцу. Посему 4 есть главные класса растеній: клѣтчатая, сосудистая, однобѣменодольная и двубѣменодольная. Первые представляютъ корень, вторыя—стволы, третья—листья, четвертыя—цвѣты.

3У Душа животная!

Въ растеніи духовная сила погружена въ веществомъ занята всецѣло образованіемъ тѣлеснаго организма. Почему оно не можетъ само заботиться объ удовлетвореніи потребностей тѣлесной жизни; это—забота матери природы, съ которою растеніе связано и корнемъ, и корою и листьями. Въ этомъ тѣсномъ соединеніи съ своею матерію и растеніе какъ утробный младенецъ воспринимаетъ на себя отпечатокъ всѣхъ ея состояній, силъ и дѣйствій, которому мы удивляемся во всѣхъ знаменательныхъ наружныхъ и внутреннихъ его измѣненіяхъ. Представимъ себѣ теперь, что сей внутренній и непосредственный союзъ растенія съ природою разорванъ и оно, выпедши изъ нѣдры ея, отсѣлъ должно быть предоставлено само себѣ и само должно заботиться объ удовлетвореніи потребностей своей тѣлесной жизни. Тогда въ немъ требуется высшая степень жизни: ибо одну часть своей дѣятельности оно должно обращать на работу тѣлообразованія, а другую—на промышленіе о способахъ своего существованія. Этотъ образъ проявленія духовнаго бытія и есть душа животная. Она есть также невещественное, духовное начало, которымъ жизнь тѣлесная, отражаясь сама на себѣ, чувствуетъ свои нужды, познаетъ предметы, служащіе къ ихъ удовлетворенію, и можетъ достигать ихъ. Она, если можно такъ сказать, есть духъ чувственный, совершенно управляемый тѣлесными нуждами и ощущеніями, и потому, какъ все тѣлесное, преходящій и смертный. Итакъ животная душа есть высшее начало жизни, нежели начало органическое, и новое произведеніе творческой силы. Но какъ высшее, оно заключаетъ въ себѣ и способности растительнаго начала, и кромѣ того имѣетъ и способности, ему исключительно привадежанія, именно чувствованіе и движеніе. Если растеніе есть сосредоточенная жизнь планеты, то животное представляетъ цѣлость солнечной

истемы, въ которой солнце даетъ планетамъ сколько внутреннее ихъ образованіе, столько же и ви́шній свѣтъ и движеніе: тотъ самый первосозданный, образующій и оживляющій вещество свѣтъ, который для оживленія планетъ сосредоточился въ солнцѣ, на нашей землѣ принялъ особенное индивидуальное бытіе въ животномъ.

Классификація животнаго царства должна состоять въ разложеніи основнаго типа животнаго на его существенные органы и отправления, но вмѣстѣ съ тѣмъ и способности чувствованія получаютъ каждая свое видовы́бненіе. Восходящая дѣйствица животной жизни состоитъ въ постепенномъ одушевленіи процессовъ растенія одного за другимъ. Растеніе имѣетъ 4 главныхъ органа: *корень*, въ коемъ совершается процессъ питанія, и который принадлежитъ *землѣ*; *стволь*, въ коемъ происходитъ собственно образованіе растенія, и который содержитъ въ себѣ соки, уподобленную *воду*; *листь*, который служитъ для сообщенія растенія съ воздухомъ и состоитъ въ связи съ *атмосферою воздушною*; и наконецъ *цвѣтъ*, органъ оплодотворенія, который обращенъ къ свѣту и самъ въ себѣ есть какъ бы извлеченный наружу внутренній свѣтъ растенія, или, какъ выражается Окень, есть мозгъ его. Природа, выражаясь языкомъ натуралистовъ, предпринимая дѣло одушевленія растенія, начинаетъ его не съ высшаго порядка и рода растеній, такъ, т. е., чтобы нижній родъ животнаго непосредственно примыкалъ къ совершеннѣйшему роду растеній, а напротивъ, какъ бы постепенно упражняясь въ урокъ одушевленія растительнаго организма, начинаетъ это дѣло съ низшихъ органовъ его и потому съ самыхъ же низшихъ растеній, и потомъ уже переходитъ постепенно въ высшіе. Отсюда происходятъ 4 класса животныхъ. Первый классъ составляютъ тѣ животныя, въ коихъ одушевляется *корень* растенія, и слѣдовательно низшій классъ растеній, а именно тѣ животныя, въ коихъ преимущественно

развивается клетчатая ткань. Какъ корень заключаетъ въ себѣ все растеніе еще въ смѣшанномъ состояніи, такъ и въ сихъ животныхъ масса нервная и мякотная находятся еще нераздѣленными. Подобно корню, и они принадлежатъ собственно *земль*. Таковы: кораллы, полипы, губки и проч.; это какъ бы одушевленные мхи, грибы, лишай и проч. Имъ принадлежитъ самое низшее чувство—тѣлесное ощущеніе или осязаніе. Впрочемъ сей же классъ, какъ неразвитое единство животной жизни, простирается и вверхъ, какъ посредствующій членъ и переходъ между другими рядами высшихъ животныхъ. Второй классъ составляютъ тѣ животныя, въ коихъ одушевляется органъ образованія растенія—межклеточные сосуды и второй, соотвѣтствующій ему, классъ растеній; они отличаются особеннымъ развитіемъ системы каналовъ кровообращенія. Сюда относятся *желудочныя глисты, мягкотѣлыя животныя и рыбы*. Ихъ родная стихія—*вода*, ихъ господствующее чувство—*вкусъ*. Третій классъ составляютъ тѣ животныя, въ коихъ преимущественно развивается органъ дыханія—спиральная система растенія, и одушевляется соотвѣтствующій ей порядокъ растеній. Это *кольцеобразныя черви, настькомыя, птицы*. Ихъ стихія—*воздухъ*, главное чувство—*обоняніе*. Оба сія противоположные классы соединяются между собою продолжающимся вверхъ первымъ классомъ, какъ посредствующимъ членомъ, именно: глисты и кольцеобразныя черви—лучистыми животными, мягкокожія и настькомыя, раки, рыбы и птицы—амфибіями. Высшій и послѣдній классъ составляютъ тѣ животныя, въ коихъ раскрывается и одушевляется цвѣтъ растенія и соотвѣтствующій ему родъ растеній. Въ нихъ совершеннѣйшимъ образомъ раскрывается нервная система, при совмѣщеніи и надлежащемъ подчиненіи ей и прочихъ системъ. Это животныя млекопитающія. Ихъ стихія есть *свѣтъ*, а главные чувства—*зрѣніе и слухъ*. Такимъ же точно образомъ, совмѣстно съ раз-

витіємъ въ животныхъ чувствованія, раскрывается постепенно и способность движенія.

4) *Духъ человѣческій.*

Душа животная есть духовное существо, но связанное веществомъ, а потому самому она не есть еще собственно *духъ*. Настоящій образъ духа принимаетъ духовное естество только тогда, когда оно отрѣшается отъ узъ вещества и дѣйствуетъ само по себѣ и отъ себя. Такимъ является на землѣ — духъ человѣческій. Чтобы точнѣе уразумѣть существо духа человѣческаго въ сравненіи съ прочими тварями, надобно установить отношеніе всѣхъ ихъ къ Творцу. Всѣ твари суть откровенія одной и той же силы Божіей, и въ свойствахъ духовнаго бытія, кои они въ себѣ въ большей или меньшей степени обнаруживаютъ, показываютъ свое общее отъ ней происхожденіе. Но, тогда какъ въ прочихъ земныхъ тварахъ сила Божія облекается болѣе или менѣе въ чуждый ей образъ вещественнаго бытія, духъ человѣческій отражаетъ въ себѣ самое ея существо. Прочія твари, по свидѣтельству свящ. бытописанія, произведены словомъ Божиимъ, т. е. чрезъ предложеніе мыслей Творца въ вещественное бытіе; но духъ человѣческій произошелъ чрезъ непосредственное вдохновеніе, т. е., непосредственное вліяніе творческой мысли Божіей въ собственномъ ея видѣ. Та сила духовности, которую всѣ твари въ различной мѣрѣ получили въ удѣлъ отъ духа Творческаго, является въ нихъ связанною веществомъ, а въ человѣческомъ духѣ свободною и отрѣшенною. Итакъ въ духѣ своемъ человѣкъ носитъ образъ самого Божества. Во всемъ мірѣ чувственномъ нѣтъ бытія ему равнаго по достоинству. Слѣд., если животное представляетъ въ себѣ цѣлость и жизнь планетной системы, то человѣкъ равняется вселенной, есть малый міръ. Изъ

сего основнаго понятія о духѣ проистекають слѣдующія его качества.—1) Какъ образъ Творца, онъ простъ, самосвѣдущъ, самостоятеленъ, свободенъ, могущъ. 2) Какъ образъ Творца, онъ есть первообразъ міра, т. е. идея, осуществленная Богомъ въ чувственномъ мірѣ, въ собственномъ своемъ видѣ составляющая самое Его существо. Посему человекъ и міръ имѣютъ существенное отношеніе другъ къ другу; въ духѣ человеческомъ міръ познаетъ самъ себя. 3) Какъ образъ Творца, онъ ни въ чемъ конечно не можетъ найти себѣ удовлетворенія, и по естеству стремится къ источнику своего бытія.

Такъ какъ духъ человѣческій Божественнаго происхожденія и есть образъ Божій; то не возможно заключить его въ понятіе и начертать опредѣленный его образъ. Только различныя силы и стремленія души, управляемая и одушевляемая имъ, отбрасывая на него свою тѣнь, даютъ ему образъ, между тѣмъ какъ, въ высшемъ смыслѣ, они сами суть только отголоски сокрытаго въ немъ богатства жизни. Въ душѣ есть стремленіе: а) знать, б) наслаждаться и с) дѣйствовать, изъ коихъ каждое имѣетъ начало своего развитія въ мірѣ чувственномъ, а конецъ въ Богѣ. Такъ какъ духъ почиетъ желаніями въ единомъ Богѣ: то, возводя каждое изъ упомянутыхъ трехъ стремленій души къ послѣднему концу, онъ самъ есть: 1) *свѣтъ истины*, внутреннее свидѣтельство о Богѣ, при помощи коего мы познаемъ Его бытіе, свойства и дѣла. 2) *Чувство* красоты, при помощи коего мы и жаждемъ Божественной красоты, и созерцаемъ ее отчасти въ самой себѣ, а болѣе въ ея отраженіяхъ, и одушевляемъ надеждою блаженнаго соединенія съ нею въ вѣчности. 3) *Сила добра*, указывающая душѣ высочайшій образецъ ея дѣятельности въ святости Божественной, укрѣпляющая волю въ борьбѣ со зломъ и возводящая ее съ одной степени совершенства на другую.

III. Природа души человеческой.

(Составныя начала ея, ихъ различіе и единство, основной характеръ души человеческой).

1) Душа человеческая, въ дѣйствительномъ своемъ состояніи, сочетаетъ въ себѣ всѣ три разсмотрѣнныя нами степени невещественнаго бытія, именно: начало жизни растительной, душу животную и духъ. Именно: собственнымъ сознаниемъ она различаетъ въ себѣ тройкую жизнь:

а) Собственнымъ сознаниемъ она усваиваетъ себѣ нѣкоторыя отправления тѣла, общія у насъ съ растеніями; ихъ три: *дыханіе, питаніе и родоотореніе*. Тѣлесныя требованія, къ нимъ относящіяся, душа не только чувствуетъ, но и называетъ *своими* требованіями, хотя эти отправления ея и совершаются большею частію безсознательно, сами собою. Напр. всякій изъ насъ говоритъ: *я голоденъ или сытъ, а не тѣло* голодно или сыто. Сію часть души, занятую растительными отправлениями, можно назвать *растительною* душою, поелику ея отправления принадлежать и растеніямъ.

б) Еще непосредственнѣе чувствуетъ и усваиваетъ себѣ душа наша тѣ дѣйствія, кои общи у насъ съ животными, — коиъ также три: *наблюденіе предметовъ чувственнаго міра, чувственныя наслажденія и боли и наконецъ разнообразныя чувственныя пожеланія и произвольная дѣятельность, направленная къ удовлетворенію оныхъ*. Хотя въ этихъ дѣйствіяхъ душа не имѣетъ полного сознанія и свободы, однако и не можетъ отказаться отъ того, что она принадлежитъ ей. Почему эту часть души, занятую упомянутыми отправлениями, можно назвать *душею животною*, поелику ея дѣйствія свойственны и животнымъ.

в) Наконецъ, полною участницею и виновницею душа составляетъ себя въ тѣхъ отправленияхъ, кои въ собственномъ смыслѣ

принадлежать одному человѣку, и составляютъ его преимущество предъ животными, равняя его только небеснымъ духамъ, сколько мы знаемъ о нихъ изъ откровенія. Таковыхъ отправленияхъ есть три: *познаніе вѣчной истины самосвѣдующимъ разумомъ, предощущеніе вѣчной красоты стремящимся горь сердцемъ, и совершеніе добра или зла свободною волею.* Ту часть души, которой принадлежать сія вполне сознательныя и свободныя дѣйствія нашего я, между видимыми тварями одному человѣку свойственныя, можно назвать *разумною или собственно человѣческою душою.*

2) *Жизнь, душа и духъ*, взятая каждое въ своемъ собственномъ существѣ, на первый взглядъ кажутся разнородными субстанціями, и не могутъ совмѣщаться въ одномъ существѣ. Такъ:

а) отправления *жизни* совершаются съ слѣпою необходимостію, дѣятельность *души* полусознательна и полусвободна, только дѣйствія духа самосознательны и свободны. Почему—

б) жизнь растительная неспособна совершать отправления души животной, а душа животная не можетъ возвышаться къ дѣйствіямъ духа. И наоборотъ: неудивительно, если духъ разумный не можетъ усвоить себѣ склонностей и способностей души животной, какъ сія послѣдняя—искусственныхъ отвлеченій образованія тѣла.

в) Да и въ самой природѣ вещей эти три степени бытія раздѣлены между собою въ 3-хъ царствахъ природы: изъ растенія никогда не разцвѣтаетъ животное и животное никогда не преобразуется въ человѣка. И наоборотъ: человѣкъ никогда не обращается всецѣло въ животное, такъ какъ и животное никогда не дѣлается совершенно растеніемъ.

Не смотря однакожъ на то, различіе *жизни, души и духа* едва ли простирается такъ далеко, чтобы ихъ необходимо

было признать различными субстанціями, связанными между собою какимъ либо образомъ въ человѣкѣ: онѣ могутъ быть только степенями развитія одной и той же нераздѣльной духовной сущности, и различными дѣятельностями одной и той же духовной силы.

а) Неравномѣрное участіе сознанія въ отправленіяхъ сихъ трехъ началъ не предполагаетъ совершенной между ними разнородности, а удобно изъясняется и при ихъ тождествѣ. Именно: сознаніе и свобода собственно принадлежатъ только чистому духу, и слѣдовательно духу человѣческому; если же духъ ограниченъ будетъ веществомъ, каковою предполагается душа животная, то оныя свойства должны умалиться въ немъ вполнину; но если духъ погруженъ будетъ вовсе въ вещество, какъ начало жизни, тогда и его сознаніе и свобода должны погаснуть вовсе. Слѣдовательно и наоборотъ: необходимая и бессознательная дѣятельность жизни, бывъ отрѣшена въ известной степени отъ матеріи, можетъ сдѣлаться полусознательною и инстинктуальною дѣятельностію души, а бывъ отрѣшена отъ тѣлеснаго вещества совершенно, обратиться въ разумную и свободную.

Недоумѣніе, какъ разумно свободный *духъ* можетъ совершать инстинктуальныя отправленія *души*, и еще болѣе, какъ душа можетъ совершить художественную работу образованія *тѣла*, когда духъ о первыхъ имѣетъ весьма темное представленіе; а душа о послѣднихъ вовсе никакого, — рѣшается тѣмъ соображеніемъ, что духъ непосредственно столько же разумѣетъ и искусственный механизмъ своихъ сознательныхъ отправленій, даже своего мышленія, и однако же съ ненарушимою вѣрностію исполняетъ его. Слѣд., онъ можетъ быть причиною и инстинктуальныхъ дѣйствій души, а въ ней и слѣпыхъ и необходимыхъ отправленій жизни тѣлесной, не имѣя о нихъ не только яснаго, но и вовсе никакого сознанія.

б) Существующее различіе между тремя началами чело-
вѣческой жизни и ихъ отправленіями не исключаетъ между ними
и сходства въ чемъ либо одномъ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ,
отправленія ихъ всѣхъ по качеству представляютъ весьма
точную аналогію между собою, всѣ представляютъ, такъ ска-
зать, одну и ту же жизнедѣятельность; только въ различныхъ
сферахъ бытія. Что въ дѣлѣ внѣшнее наблюденіе, то въ душѣ
представленіе, а въ духѣ разумѣніе. Въ нихъ можно принять
за единое тождественное ихъ основаніе.

в) Соединеніе *духа* разумнаго, *души* животной и *жизнен-
наго начала* въ челоуѣкѣ въ одну субстанцію не противо-
рѣчить нисало и дѣйствительности. Душа животная, конечно,
не можетъ заключать въ себѣ силы разумнаго духа челоуѣче-
скаго, не переставая быть тѣмъ, что она есть; но наоборотъ,
духъ челоуѣческой можетъ и долженъ заключать въ себѣ силы
души животной, потому что вообще высшее бытіе заключаетъ
въ себѣ силы предыдущаго низшаго. — Такимъ же образомъ душа
животная можетъ и должна заключать въ себѣ силы раститель-
наго начала жизни; но не наоборотъ. Слѣд., всѣ три начала
могутъ соединяться въ одну простую разумную субстанцію.

Положительно же тождество *духа*, *души* и *жизни* въ
челоуѣкѣ, или единство существа челоуѣческаго, доказывается
слѣдующими основаніями:

а) Точнымъ сходствомъ въ отправленіяхъ всѣхъ сихъ
3-хъ началъ. Такъ, напримѣръ, что въ тѣлѣ зрѣніе и
слухъ, то въ душѣ воображеніе и память, въ духѣ рассу-
докъ и умъ; животворному или болѣзненному раздраженію
нервовъ въ тѣлѣ, обращенію крови и питанію — соотвѣт-
ствуютъ пріятное или непріятное ощущеніе, кругообраще-
ніе представлений и усвоеніе ихъ въ душѣ, радостное или
противное чувствованіе, кругообращеніе идей и усвоеніе ихъ
въ духѣ; тѣлесное движеніе имѣетъ себѣ первообразъ въ про-

извольныхъ пожеланіяхъ души, а сіи послѣднія свой первообразъ въ свободныхъ стремленіяхъ духа.

б) Если духъ, душа и жизнь суть раздѣльныя субстанции, то непонятно, какъ онѣ могутъ такъ тѣсно соединяться между собою, такое имѣть вліяніе другъ на друга и такое соотвѣтствіе въ отправленіяхъ, чтобы человѣкъ казался совершенно простымъ и единичнымъ существомъ, однимъ я,—какъ его мы находимъ на самомъ дѣлѣ.

в) Опытъ даетъ намъ видѣть, какъ одна и та же разумная душа человѣческая, смотря по нуждѣ, обнаруживаетъ то духовную преимущественно жизнедѣятельность, ослабляя растительную, то усиливаетъ растительную на счетъ духовной. Такъ, напримѣръ, въ младенцѣ вся душа и духовныя свои силы обращаетъ главнымъ образомъ на растительную работу развитія организма; почему сей послѣдній быстро въ немъ развивается, тогда какъ отправленія разумной жизни проявляются только весьма малыми начатками. Напротивъ, въ старости душа и растительныя силы обращаетъ на духовную жизнедѣятельность; почему хранина тѣлесная ветшаетъ и разрушается, а напротивъ, духовная жизнь пріобрѣтаетъ всю глубину и энергію. Въ сильныхъ тѣлесныхъ болѣзняхъ душа, не въ состояніи будучи одною жизненною своею силою преодолѣть враждебнаго ей болѣзненнаго начала, отдѣляетъ на помощь къ ней и духовныя силы, а потому разумная дѣятельность у такихъ больныхъ обыкновенно упадаетъ: наоборотъ, въ болѣзняхъ духовныхъ, напримѣръ въ печали, глубокой страсти и т. п., душа вся занята бываетъ предметомъ ею овладѣвшимъ, а потому отвлекаетъ къ нему и силу жизни отъ тѣлесной работы, а отъ этого тѣло начинаетъ чахнуть, хилѣть и умираетъ. Люди, алчные къ пищѣ или сластолюбивые, какъ показываетъ исторія Гедеона, бываютъ малодушны, потому что у нихъ вся душа во чревѣ: напротивъ, люди сильные духомъ высокіе духомъ бываютъ равно-

душны къ лицу, потому что у нихъ вся жизнь въ духѣ. Отъ мгновенной сильной боли въ тѣлѣ, напр. во время операци, душа лишается сознанія, потому что она уходитъ къ мѣсту болѣзни: напротивъ, въ сильномъ ужасѣ, гнѣвѣ, восторгѣ и вообще во всякомъ порывѣ, душа мгновенно бросаетъ работу тѣлообразованія и наполняется вся чувствомъ и представленіемъ предмета, овладѣвшаго ею, а потому тѣлесная жизнь вдругъ перерывается и разрушается.

3) Соотношеніе сихъ трехъ началъ: *жизни, души и духа* не должно представлять себѣ ни внѣшнимъ союзомъ, ни совершеннымъ тождествомъ, а, какъ мы сказали, соотношеніемъ степеней бытія. Поелику всякая высшая степень бытія заключаетъ въ себѣ и низшую, но, обладая ею, даетъ ей свой характеръ и силу: то душа животная заключаетъ въ себѣ и растительную жизнедѣятельность, но сообщаетъ ей уже свой образъ; равно какъ духъ заключаетъ въ себѣ и душу животную, но также даетъ ей свой характеръ, — а черезъ нее сообщаетъ этотъ характеръ и растительному началу. Отсюда происходитъ, что растительная жизнь, будучи управляема душою животною, образуетъ не растеніе, а животное тѣло; а душа животная, будучи облечена духомъ, становится душою не животною, а человѣческою; подъ вліяніемъ же ея и сила жизни образуетъ тѣло человѣческое. Такимъ образомъ высшая часть нашего существа, духъ, даетъ единство жизни и стремленія всему существу его: такъ какъ самъ онъ почиетъ желаніями своими въ Безконечномъ, то, въ силу его господствующаго и направлятельнаго вліянія, и силы души нашей стремятся прямо или непрямо къ Безконечному, и самому тѣлу сила жизни даетъ устройство и положеніе, обращенныя къ Безконечному же.

Всякое существо конечное есть нечто единое въ себѣ, не смотря на множественность своихъ свойствъ и сторонъ. Чѣмъ выше и совершеннѣе существо, тѣмъ болѣе въ немъ

множественность покорена единству. Всесовершенное существо есть чистѣйшее единство безъ всякой множественности.

И душа человѣческая при всемъ многообразіи силъ и способностей есть единична въ существѣ своемъ. То есть: ея многообразныя дѣйствія сходятся къ нѣкоторымъ частнымъ способностямъ; сіи сходятся къ главнымъ силамъ; наконецъ, сіи силы въ одной нѣкоторой коренной дѣйствующей силѣ, къ одному основному стремленію души, которое, какъ ея средоточіе, должно опредѣлять собою дѣятельность всѣхъ прочихъ силъ и всей душѣ давать ея человѣческій характеръ.

Спрашивается: какая это сила или стремленіе? Прекрасно выразилъ это одинъ благочестивый философъ въ слѣдующихъ словахъ: «душа человѣческая создана не для себя самой, но для того, чтобы отображать въ себѣ Бога (что впрочемъ и для нея составляетъ блаженство). Почему она естественно стремится къ Богу, и средоточіе ея разумнаго существа состоитъ въ томъ, что она есть мысль, жаждущая безконечнаго свѣта и въ соединеніи только съ нимъ успокоивающаяся».

Согласно съ симъ прежде всего за несомнѣнное полагаемъ, что глубочайшее основаніе всѣхъ силъ и дѣйствій души, то, въ чемъ сосредоточиваются всѣ лучшія ея стремленія и способности, есть желаніе и способность души къ воспріятію Безконечнаго. При семъ нужно различать двѣ стороны: 1) стремленіе къ Безконечному, 2) способность къ воспріятію Безконечнаго.

Что есть въ душѣ нашей стремленіе къ Безконечному, и что оно есть глубочайшее изъ всѣхъ нашихъ стремленій, въ томъ удостовѣряемся мы:

а) *Умственно*, — изъ цѣли сотворенія человѣка. При сотвореніи міра вообще Богъ не могъ ничего другаго поставить Себѣ цѣлью, кромѣ Себя Самого; ибо совершеннѣе Его ни-

чего нѣтъ. Такимъ образомъ всѣ конечныя существа существуютъ только для проявленія Божественныхъ совершенствъ, сообразнаго природѣ каждаго изъ нихъ, такъ чтобы всѣ вмѣстѣ отражали въ себѣ, въ возможной для нихъ полнотѣ, такъ сказать, весь образъ Божій. Разумныя существа, которыя и созданы по образу Божию, тѣмъ паче по самому существу своему должны имѣть коренною своею цѣлью Первообразъ, т. е. Бога. Слѣд. и для человѣка нѣтъ и не можетъ быть глубочайшаго душевнаго стремленія, какъ влеченіе въ Богу.

б) *Опытно*, изъ неудовлетворимости своихъ желаній конечными предметами. Нѣтъ нужды и говорить, что чувственныя наслажденія неудовлетворяютъ души нашей; потому что они собственно и касаются одного тѣла, а душу только возмущаютъ и омрачаютъ. Но и блага болѣе сродныя душѣ, но конечныя, не наполняютъ пустоты сердца: такъ, одинъ думаетъ насытить его любовію и дружествомъ, и останавливается желаніями на подобномъ себѣ существѣ, которое веселитъ его очи и душу; другой хочетъ найти свое счастье въ самомъ себѣ, въ личной независимости, самостоятельности и могуществѣ, и скопляетъ богатство; третій мечтаетъ обрѣсти полное удовлетвореніе душѣ въ чести и славѣ, которая одновременно питаетъ и его личное самолюбіе и сочувствіе къ ближнимъ. Но и самый совершенный предметъ любви и дружества скоро даетъ намъ чувствовать свои недостатки; искомая независимость и самостоятельность, и при самой великой мѣрѣ довольства и избытка, оказывается все еще неполною и необезпеченною; самая высокая честь и слава все еще не довольно покараетъ умы вліянію нашихъ личныхъ достоинствъ, и потому не удовлетворяетъ нашего самолюбія.—Большее и чистѣйшее удовольствіе доставляютъ душѣ предметы духовныхъ стремленій: наука, поэзія, общественныя заслуги, но и ими съ теченіемъ времени наскучивается душа.—Такъ и самый высprenній и обшир-

ный образъ знанія, система, не исчерпываетъ никогда всего, что замыслить въ себѣ умъ философа; самый свѣтлый идеаль, въ выполненіи, является поэту бѣднымъ и жалкимъ, и самый высочій подвигъ общественнаго служенія скоро заставляетъ желать лучшаго. Словомъ: ничѣмъ конечнымъ душа не удовлетворяется, есть въ ней желаніе, простирающееся выше и далѣ всякаго ограниченнаго желанія. Значить, она имѣетъ предметомъ своимъ безконечное, что не оставило бы уже мѣста никакому желанію. Такое существо есть Богъ: слѣдовательно, къ Нему то, сквозь все разнообразіе видимаго, стремится самымъ существомъ своимъ душа наша.

Симъ доказывается существованіе нѣкоторой неутомимой жажды безконечнаго въ душѣ нашей. Но есть ли это только одна потребность? Или съ нею соединяется въ душѣ нашей какое либо, хотя темное, представленіе о предметѣ ея, нѣкоторая способность къ воспріятію его?

По Канту душа носить въ себѣ только одну потребность, одно желаніе (*postulatum*) Безконечнаго, а подлиннаго сознанія или представленія о бытіи и свойствахъ Его въ себѣ не включаетъ. Но если бы стремленіе къ Безконечному, не соединилось въ насъ съ нѣкоторымъ вѣденіемъ о Немъ, то оно было бы совершенно слѣпое и невѣрное. Напротивъ, человекъ не только стремится къ Безконечному, но имѣетъ и нѣкоторую, предшествующую всѣмъ его стремленіямъ, увѣренность, что предметъ, имъ искомый, есть не мечтательный, а дѣйствительно существующій. И не о бытіи только Его, но и о свойствахъ Его имѣетъ онъ, хотя не ясное, представленіе. То и другое доказывается опять сколько *разумомъ*, столько же и *опытомъ*.

а) Разумомъ. Не возможно, чтобы душа, непосредственно происшедши отъ Бога, въ самомъ существѣ своемъ не заключала какъ стремленія къ источнику своего бытія, такъ и при-

рожденнаго нѣкотораго вѣденія о Немъ. Если бы Богъ, при созданіи души, вложилъ въ нее одно стремленіе къ Себѣ, а не даровалъ вмѣстѣ и способности познавать и обрѣтать Его; то Онъ вложилъ бы въ нее одно желаніе безъ удовлетворенія, одну жажду безъ насыщенія ея, обрекъ бы ее на тщетную муку, — каковая участь была бы хуже участи всякаго животнаго; ибо и они, имѣя по естеству стремленіе къ земнымъ предметамъ, одарены способностію узнавать и находить ихъ. Это было бы клеветою на благость и премудрость Творца.

б) *Опытомъ.* Когда душа, движимая стремленіемъ къ Верховному своему добру и не видя еще Его, обращается къ земнымъ предметамъ и думаетъ въ нихъ найти оное, то не только по испытаніи ихъ она познаетъ ихъ сущность и несоотвѣтствіе съ сердечнымъ желаніемъ, но еще и прежде испытанія ихъ внутренней голосъ внушаетъ ей, что они не то, чего она желаетъ, что искомое ею добро совсѣмъ другаго рода и свойства. Это-то и составляло вину язычниковъ, которая дѣлала ихъ, какъ говоритъ св. апостоль Павелъ, *беззотѣтельными*, что они находясь среди творенія, такъ ясно свидѣтельствующаго о Богѣ, не видѣли въ немъ Бога, а стали поклоняться вмѣсто Него тварямъ, т. е. не вняли внутреннему голосу, который возбранялъ имъ останавливаться желаніями и разумомъ на земныхъ тваряхъ. Напротивъ, когда Богъ явился очамъ смертныхъ во плоти, то и язычники и простолудины познали Его Божество, даже подѣ завѣсою плоти: и это между прочимъ потому, что они не затворили слуха для внутренняго свидѣтельства о Немъ, которое призывалъ ихъ къ Богу-Слову, вмѣстѣ отвлекало сердца ихъ отъ земныхъ благъ, — что и составляло нравственную ихъ заслугу. Отсюда же происходило, что язычники, остановившись на обожаніи тварей, и въ тоже время сами чувствуя его лживость и неудовлетворительность, всегда старались по крайней мѣрѣ дать ему сколько возможно луч-

ишій и разумѣйшій смыслъ: въ различныхъ частяхъ природы мечтали видѣть присутствіе и дѣйствіе божественныхъ силъ, надъ вещественнымъ міромъ предполагали множество духовъ, и надъ многими богами поставляли во главѣ одного верховнаго. — Все сіе показываетъ, что въ душѣ есть не только одно стремленіе къ Богу, но и врожденная идея о Немъ, хотя она обыкновенно бываетъ помрачена и искажена въ насъ страстями и испорченностію природы, — идея о Богѣ, составляющая главную силу и достоинство нашего разума.

Но снвъ еще не исчерпывается основное существо души. Не одно только стремленіе сердца къ Безконечному, и не способность только постигать Его изъ творенія принадлежать коренному существу нашей души, но и способность дѣятельно возноситься къ Нему сквозь всѣ преграды и обольщенія, противопоставляемая чувственностію, — способность, называемая *свободною волею*.

а) Сія способность предполагается уже обѣими предъидущими. Возноситься надъ чувственнымъ міромъ желаніями, возноситься мыслию, возноситься хотѣніемъ — это способности тождественныя и одна и безъ другой невозможныя. Усвоить человѣческой душѣ сердце, жаждущее безконечнаго добра, и разумъ, созерцающій оное, но не усвоить въ тоже время и свободной воли — способности дѣятельно приближаться къ нему, было бы столь же несообразно, сколько несообразно было бы при твореніи вложить въ животное алчбу и жажду, и даровать чувства, чтобы усматривать и узнавать нужную пищу и питіе, и не дать способности произвольнаго движенія, чтобы достигать до нихъ.

б) Внутренній опытъ непререкаемо удостовѣряетъ насъ въ томъ, что мы свободны, и прежде предпринимаемаго дѣй-

ствія, и во время онаго, и послѣ онаго. Прежде добраго или худаго дѣянія мы сознаемъ, что мы свободно, не по принужденію какому либо вѣшнему или внутреннему, рѣшаемся на оное; во время онаго мы боремся съ препятствіями, которыя противопоставляются намъ обстоятельствами на пути къ цѣли, и дѣлаемъ напряженіе своимъ силамъ, котораго, чувствуемъ мы, могли бы и не дѣлать; *послѣ дѣянія* мы ощущаемъ въ совѣсти своей за доброе дѣло внутреннее одобреніе, а за худое—внутреннее угрызеніе, какихъ мы не заслуживали бы и не испытывали бы, если бы совершали свои дѣянія по необходимости.

Итакъ, душа наша имѣеть способность не только чувствованіями и помысленіями своими, но и всею волею своею отрѣшаясь и освобождаясь отъ владычества чувственныхъ побужденій, дѣятельно стремиться, сквозь всѣ оболщенія и препоны, противопоставляемыя ей чувственнымъ міромъ, къ своему высочайшему и безконечному добру—Богу.

И эта-то способность ея и составляетъ въ ней самое средоточіе, глубочайшій корень и источникъ ея жизни и дѣятельности.